

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

КИНО ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Полное
погружение
в атмосферу
эпохи

60-х

Евгений НОВИЦКИЙ

Евгений Игоревич Новицкий

Кино для взрослых

Серия «Детектив-ностальгия»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63090532
Кино для взрослых: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-116902-2

Аннотация

1968 год. На киностудии «Мосфильм» начинающий режиссер Аркадий Дикобразов снимает свой первый художественный фильм. По просьбе коллеги он приглашает на главную роль его жену, начинающую актрису Варвару. Женщина удивительной красоты и таланта, она вскоре становится возлюбленной Аркадия. Но случается непоправимое – при загадочных обстоятельствах Варвара погибает. Аркадий на грани срыва. Он уже готов отказаться от съемок фильма. Но вдруг в числе претенденток на роль, которую не доиграла Варвара, он встречает девушку, как две капли похожую на нее...

Содержание

Пролог	7
1	11
2	14
3	17
4	20
5	24
6	27
7	31
8	35
9	38
10	41
11	45
12	49
13	52
14	55
15	59
16	63
17	66
18	69
19	72
20	75
21	79
22	82

23	86
24	90
25	93
26	96
27	99
28	102
29	105
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Евгений Новицкий

Кино для взрослых

© Новицкий Е.И., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

ЕВГЕНИЙ НОВИЦКИЙ

КМНО

для взрослых

Пролог

Теперь я понимаю: когда погибла Варя, я погиб тоже.

Она, и только она, воплотила в себе все, о чем я мог лишь мечтать. Единственный раз я был созерцателем и отчасти обладателем чего-то светлого и настоящего. Мы виделись, мы общались, мы вместе работали, мы были близки – большего и желать нельзя. Разве только того, чтобы это не кончилось. Но так не бывает: счастье не может быть вечно. Всякое подлинное, непридуманное, истинное и ослепительное счастье обречено изначально. Как редкий человек, в самом деле державший такое счастье в руках, я могу утверждать это наверняка.

Да, то было самое счастливое время в моей жизни. Вернее, не время даже, а кратчайший миг. Тем ценнее для меня каждая миллисекунда этого мига, который я храню в памяти от и до, помня буквально все. Помню все, но так мало знаю...

Ведь я так до сих пор и не могу быть уверенным в том, что действительно знаю, что с ней случилось. Но уже и это не столь важно...

Сейчас я сознаю еще и то, что иногда лучше не знать всей правды. Она может быть слишком ужасной – и это не даст покоя. Или слишком разочаровывающей – и это повергнет в уныние. Или чересчур подозрительной, что посеет в душе беспрерывные сомнения.

Пониманием этого я обязан Вале – «Варе № 2», которая будто воскресла из мертвых, чтобы окончательно свести меня с ума. И очень жаль, что ей это не удалось...

В чем еще я до сих пор не уверен, так это в вопросе выбора между неизвестностью и сомнением. Что лучше – не ведать вовсе ничего или знать лишь чью-то версию?

Над этой, с одной стороны, историей или былью (для стороннего наблюдателя), а с другой – над трагедией и катастрофой (для меня как главного участника) изначально веяла какая-то фатальная предопределенность. Я словно бы с самого начала прекрасно знал, что это закончится шоковым потрясением, отчаянным крахом. Возможно, я придумываю и задним числом приписываю случившемуся судьбоносные черты, но все-таки слишком многое в стремительной истории моих взаимоотношений с актрисой В. (двумя актрисами – В. и В.) указывало и намекало на роковой финал.

С первых мгновений моего знакомства с Варей я как будто стал слышать что-то вроде шагов Командора: сначала они были еле различимы, как первые такты равелевского «Болеро», потом – все отчетливее, а к моменту, когда у меня отняли мою любимую, Каменный Гость уже всю отплясывал в моей голове, нестерпимо грохоча тяжелыми сапожищами.

Разумеется, этим Каменным Командором был не Волнистый – такое было бы просто смешно, низвело бы высокую трагедию до уровня дешевого фарса.

Нет, сама Судьба безжалостно направляла течение данной

драмы – прямо как у древних греков.

И «второй дубль», явленный мне в лице Вали, окончательно доказывает: некто (Некто в сером?) непрестанно режиссировал этим современным советским детективом, столь непохожим на все досужие сочинения Овалова, Адамова и Семенова.

Тайная страсть, оборвавшаяся вследствие смерти; чрезвычайная загадочность, сопутствующая этой смерти; мое любительское «следствие» в надежде распутать множественные узлы... – все это, казалось бы, типичный детектив (пусть и невыдуманный, а значит, лишенный тех неловких натянутостей и громких эффектов, которыми он обычно сопровождается в кино и литературе).

Но в каком детективе (тем паче советском) вы могли наблюдать отчетливую структуру древнегреческой трагедии? В данном же случае она налицо: пролог (задумка фильма), парод (кинопробы), эпизодии (встреча с Варей и явление Вали), стасимы (о съемках картины и любовных свиданиях, о страсти и смерти), коммос (расследование, сопровождающееся горьким плачем доморощенного сыщика-протагониста).

Вот только катарсис никак не вписывается в означенную схему. Именно потому, что в данном случае я был не зрителем и даже не режиссером, но действующим лицом...

Так, ну а с чего же это все началось, возникло, закрутилось и завертелось? Вспомнил – с Волнистого. С Волнистого

и удивившего меня делового предложения, которое у него ко мне было. От первого варианта этого предложения я наотрез отказался, а вот из второго и развернулась вся эта история.

Впрочем, обо всем по порядку.

1

Мы закурили.

– Ладно, я перейду к делу, – сказал Волнистый через минуту.

Я усмехнулся:

– Так и думал, что у тебя какое-то дело.

Волнистый немного смутился:

– Да нет, старик, я действительно рад тебя видеть. Я давно уже думал, что неплохо бы встретиться, пообщаться. Просто повода все как-то не было...

Я вскинул брови:

– А теперь, значит, появился?

– Не без этого, – наконец согласился Волнистый. После чего он перегнулся через столик ко мне и перешел на шепот, словно поверял какую-то тайну и его могли подслушать. Между тем его пресловутый повод был куда более пустяковым, чем я думал. – Аркаша, я прочитал твой сценарий, – вот что сказал Волнистый – и сказал так, как разведчик произносит тайный пароль в каком-нибудь паршивом фильме. И в паршивом, добавлю, исполнении.

Я недовольно поморщился – и от фальшивого тона Волнистого, и от тех излишеств, которыми он обставил столь элементарный разговор, а главным образом – от этого с малых лет выворачивающего меня обращения: «Аркаша». И так-то

я всю жизнь не в восторге от своего имени, а уж от уменьшительной его формы... К тому же ко мне так никто не обращался, пожалуй, уже с институтской скамьи.

– Аркадий, – ровным тем не менее тоном поправил я. – Лучше если просто Аркадий.

– Как скажешь, – с угодливостью отозвался Волнистый. И значительно присовокупил: – Аркадий.

Черт возьми, в его пухлых устах даже и полная форма моего имени раздражает неимоверно.

– Ну так вот, Аркадий (он так и будет теперь произносить это с таким мерзким нажимом?), я прочитал твой сценарий, – уже чуть более естественным голосом повторил Волнистый.

– Поздравляю, – вяло прокомментировал я.

– Да нет, старик, это я тебя поздравляю! – К Волнистому вернулась его восторженность. – Это же просто чума что такое! Мировой сценарий, просто мировой!

Не скрою, мне польстила такая его реакция, хотя еще в большей степени позабавила. Уж я-то знаю цену своему сценарию. Так себе сочинение, прямо скажем. Разве что совершенно выбивается из всего, что на сегодняшний день можно увидеть в советском кино. Тем труднее будет пробить его постановку, но даже если удастся, то очень сомнительно, что это принесет мне что-то хорошее. Критика, понятно, разгромит в пух и в прах, уличит в низкопоклонстве перед Западом – и черт его знает, как это скажется на моей даль-

нейшей работе. Может, уже вообще ничего «сомнительного» мне потом не доверят. Будут только идеологически выверенные сценарии одобрять – историко-революционные, прости господи, или из жизни рабочего класса, что немногим для меня привлекательнее.

И самое смешное, что все это будет справедливо. Интересно, неужели Волнистый всерьез считает мой сценарий «мировым»? Да во всем мире меня еще раньше поднимут на смех. Все яснее ясного, скажут, посмотрел этот коммуняка «В прошлом году в Мариенбаде» – и сварганил жалкую кальку... Конечно, это еще как снять, но кто у нас сможет сделать кино на уровне Алена Рене? Я таких не знаю – про себя уж молчу. Нет, все-таки Волнистый, по-моему, издевается. Быть не может, что он в этом что-то увидел. Не дурак все ж таки. Дураки так не живут – и столь ловко не лавируют между успехом у публики и у начальства.

Или ему действительно захотелось всерьез оглушительной популярности? Можно подумать, то самое начальство по головке его погладит за какого-нибудь нового «Человека-амфибию»...

Да и мой сценарий совершенно не таковский. Не доросли еще наши зрители до подобных изысков. «Человека-амфибию» – это они с превеликим, за милую душу, а попробуй тот же «Мариенбад» в прокат сейчас пустить! Да толпами начнут с сеансов уходить...

2

– В общем, я тебя очень прошу, – прервал Волнистый мои раздумья, – отдай мне его!

– Кого? – В первую секунду я действительно не понял, о чем он.

– Да сценарий же! – воскликнул Волнистый.

– Отдать? – глупо повторил я. Экс-однокашник мой, кажется, уже стал нервничать из-за моей заторможенности:

– Ну да, чтобы я, именно я его поставил! Как ты на это смотришь?

Я пожал плечами:

– Да я вообще-то для себя его написал... Именно потому, что меня перестали устраивать чужие сценарии...

– Значит, ничего другого в заглавнике у тебя сейчас нет? – с досадой процедил Волнистый.

– Нет, – подтвердил я и выпустил из сложенных трубочкой губ струйку дыма. Волнистый же осушил свой бокал и продолжил напирать:

– Это не сахар, конечно, но что-нибудь сможем придумать... Можно ведь заказывать сценарии – авторы охотно на это идут. Я сам об этом раньше не задумывался – а ведь это такой выход для нашего брата. Позвони вот, ну я не знаю, тому же Шпаликову, опиши вкратце, чего хочешь, – и он тебе вот такой сценарий приготовит, закачаешься! – Волнистый

вытянул большой палец на правой руке и энергично затряс им.

– Шпаликов пишет не в том стиле, в котором работаю я, – со скепсисом отозвался я.

– Ну поговори с Дунским и Фридом, с Ежовым, с Каплетром, наконец!

– Угу, – усмехнулся я, – скажи еще – с Габриловичем.

– А чем тебе Габрилович не угодил? – Волнистый аж всплеснул руками от изумления.

– Да не хочу я снимать ни про Ленина, ни про Корчагина, ни про всех прочих коммунистов...

– Про Корчагина разве Габрилович писал? – усомнился Волнистый.

– Нет, Островский.

– Понятно, что Островский. А сценарий чей?

– Не помню. «Овода» точно Габрилович инсценировал.

– Это который со Стриженовым «Овод»?

– Ну а какой еще... У нас другого не было.

– А что, хорошая картина.

– Да ничего особенного, – поморщился я. – Хотя по такому ужасному роману и «ничего особенного» снять – достижение!

– А ты не изменился, – засмеялся Волнистый. – Все такой же критикан.

– Могу заверить, что к своим фильмам я еще критичнее, чем к любым чужим.

– Ты молодец, молодец, – вновь стал льстить Волнистый. – Последовательный. Тоже всегда таким был (Это он про меня или уже про себя?)... Ну а этот твой сценарий – ты им тоже, значит, недоволен?

В другое время я с удовольствием разгромил бы свой сценарий в хвост и в гриву, но после восторгов Волнистого мне почему-то не хотелось делать это вслух.

Я зажег следующую сигарету, затянулся и важно изрек:

– Ну если постараться, то из этого может выйти приличный фильм.

– И я так думаю, – поддакнул Волнистый.

– Вот поэтому, – подытожил я, – я, конечно, и буду снимать его только сам.

Волнистый не сумел скрыть своего разочарования – улыбка и благожелательность неестественно, как при замедленной съемке, сползли с его лица.

– Значит, вообще никому не отдашь? – мрачно спросил Волнистый.

Я хотел было ответить, что Тарковскому, Хуциеву, Данелии отдал бы с радостью, но решил не портить отношения с Волнистым. К тому же я знал, что режиссеры вроде названных таким сценарием нипочем и не заинтересуются.

– Да, Валера, – как бы с сожалением произнес я, – все-таки никому не отдам.

3

Однако Волнистый не сдавался.

– Если бы я взялся ставить твой сценарий, это было бы очень выгодно прежде всего тебе. Сам знаешь, драматурги у нас получают больше постановщиков. Особенно те, которые работают в одиночку.

Я мог бы ему заметить, что он тоже мало изменился со студенческой скамьи. Воскликнуть: «А ты все такой же настойчивый!» – было бы слишком льстиво; сказать же, что он до сих пор остался упрямым бараном, – чересчур грубо. Вместо этого я всего лишь устало возразил:

– Однако единоличный автор сценария, который при этом еще и режиссер, получит еще больше.

– Ну можешь забрать мой режиссерский гонорар! – немедленно выпалил Волнистый. Я чуть не поперхнулся сигаретой, но уже через пару секунд понял, что коллега блефует. Он прекрасно знает, что я не соглашусь на такое рваческое предложение. Ладно, я знаю, чего он ждет, – чтоб я изобразил изумление. Что ж, мне нетрудно, изображу.

– Прямо не понимаю, – картинно развел я руками, – что тебя так зацепило в этом моем, с позволения сказать, произведении?

– Я и сам толком не знаю, – охотно продолжил игру Волнистый и пожал плечами. – Только я прямо загорелся! Хочу

этот фильм поставить – и точка.

– Напиши сам что-нибудь в таком же роде.

– Но это будет подражание.

– Об этом не беспокойся, я не обижусь. И никому не скажу.

– Да я сам на себя обижусь... Не смогу я сделать что-то в этом роде, потому что ты уже все сделал за меня. Вот именно так, как я хотел. Я не скажу, что твой сценарий – это какой-то невероятный шедевр...

– Спасибо и на этом, – с улыбкой прервал я, – а то и так почти до небес меня превознес.

– ...Но он как будто просто для меня сделан, – продолжал Волнистый. – Я как прочел, сразу понял: именно такой фильм я мечтал поставить всю свою жизнь!

После таких экзальтированных признаний мне даже неловко было ему отказывать, но я преодолел себя.

– И тем не менее, – вздохнул я с видом глубокого сожаления, – этот фильм я буду снимать сам.

– И это твое окончательное решение? – предпринял последнюю попытку Волнистый. Забытая сигарета догорала в его руке.

– Окончательнее не бывает. – Я был неумолим.

– А если не разрешат?

Черт, я был неправ. У него этих попыток еще не меньше десятка в запасе!

– Ну если мне не разрешат, то, наверно, и тебе тоже, –

парировал я.

– У меня побольше возможностей, – слегка виновато напомнил Волнистый. Я поморщился, вспомнив, что у него действительно какой-то, кажется, родственник в ЦК. Седьмая вода на киселе, но все же какую-то протекцию он ему вроде оказывает...

– Все-таки даже с твоими возможностями трудно предполагать, что мне что-то запретят, а тебе то же самое разрешат.

Я ожидал, что у Волнистого и здесь найдется, чем ответить, но он лишь с досадой откинулся на спинку стула:

– Да, это правда. Вот если сразу я начну пробивать такую картину, шанс есть. А если после твоих попыток, то такой шанс уже очень маловероятен.

Но и перед таким доводом я не собирался пасовать:

– Даже с учетом этого я готов рискнуть.

– И в итоге получится, что сценарий ты написал зря, – горько констатировал Волнистый.

– Ну почему зря? – усмехнулся я. – Рано или поздно все равно сниму. Хоть лет через десять.

4

– Нет, если уж снимать, то сейчас, – заявил Волнистый после некоторой заминки.

Я выдохнул дым через ноздри.

– Почему же?

– Потому что у меня есть идеальная исполнительница главной роли. – Волнистый сказал это так, словно открыл мне страшную тайну.

– У меня там две главные роли, – улыбнулся я.

– Конечно, вот она две и сыграет!

– Я уж думал, у тебя есть двойняшки, – снова пошутил я.

– Да даже двойняшки так не сыграют, как она одна – обеих! Будь она балериной, это была бы образцовая Одетта и Одиллия.

– Но она драматическая, да? Кто такая-то?

– Моя жена, – довольно ухмыльнулся Волнистый.

– А, вот как? – немного удивился я. – Я и не знал, что ты женат.

– Совсем недавно, – продолжал расплываться в улыбке Волнистый. – Но я долго ее добивался.

– Актриса? – еще раз уточнил я.

– Да. Варя зовут. Варвара.

– А фамилия?

– Волнистая, – совсем вне себя от радости изрек Волни-

стый.

– И снимается тоже под твоей фамилией? Или только на сцене играет?

– Нет, она у меня чисто кинематографическая актриса. Под моей фамилией пока не успела нигде сняться. Армагерова, слышал? Варвара Армагерова. – Я покачал головой. – Старик, я так понимаю, ты по-прежнему кино не жалуешь? Только свое, небось, смотришь?

– Всякое смотрю, – отвечал я. – По крайней мере, все громкие фильмы уж точно. Так что и Варвару твою наверняка где-то видел.

– Ну в громких она покамест не снималась, – протянул Волнистый. – Не видел ты ее, видимо. Если бы видел, запомнил – ручаюсь.

– Что – такая талантливая?

– И красивая. – Волнистый по-прежнему лопался от самодовольного восторга. – Красивая – это еще очень мягко говоря.

– Ну да, понятно, – уже немного раздраженно хмыкнул я. – Красивая-раскрасивая. Сверхкрасивая.

– Вот именно! – не заметил моей иронии Волнистый. – Да что ты, старик, я уже, значит, три месяца как с ней расписался, а все не могу привыкнуть. Уж так мне, считаю, повезло. Она ведь поначалу меня вообще не воспринимала. Как мужчину, я имею в виду. Как режиссера она меня уважала с первой встречи – как на пробы ко мне пришла. В работе –

ангел просто. Да и в жизни... Ну я с ней снял один пока только фильм – «Закат в Закавказье», не видел? – Я опять покачал головой. – Ну такое приключенческое кинишко. Ничего себе, я считаю, получилось. Прежде всего за счет Вары... Закончились, в общем, съемки – я от нее, конечно, не отстаю. Она – как-то так поначалу не очень меня воспринимала. И довольно долго это длилось – я уже даже надежду почти потерял. Ну а раз однажды не выдержал уже, приехал к ней без предупреждения – бухнулся на колени. Казни, говорю, или милуй. Я, говорю, точно понял: мне нужна только ты. Больше вообще никто. Во-об-ще. Я не врал – я действительно так думал и думаю. И всегда буду думать. Я ей много тогда всего наговорил – чуть ли не час на коленях простоял. Я, говорю, не понимаю, как жить, не знаю, зачем, для чего, почему... Без тебя жизнь бессмысленна. Абсолютно. А с тобой в ней будет смысл двадцать четыре часа в сутки. Я такие фильмы с тобой сниму! Ты самой популярной девушкой в Союзе станешь. А может, и в мире. И без тебя я теперь, клянусь (я действительно поклялся – и клятву сдержу), ни одного фильма не сделаю. Не захочешь у меня сниматься, вообще уйду из кино. Да и из жизни, вероятно... Поверь, говорю, Варя, без тебя, вне тебя для меня теперь ничего не имеет значения. Пусть хоть огнем все горит... Послушала она меня, послушала, помолчала. И потом запросто так говорит негромко: «Хорошо, я согласна». И я теперь, старик, счастливейший из смертных! Вот так вот. – И Волнистый

залпом осушил еще один бокал.

5

Признаться, он меня удивил. Кто мог ожидать от этого перманентно самодовольного, нахального, безудержно жизнерадостного типа, сибарита по призванию, этакого воплощенного Стивы Облонского... так кто, спрашивается, мог ожидать от него столь сильной любви к кому бы то ни было? Каюсь, я не мог. Но в эту минуту я ему полностью поверил.

Волнистый же наполнил себе новый бокал, зажег следующую сигарету и продолжил изливать свои восторги по поводу жены:

– Понимаешь, я до сих пор не могу поверить, что она – моя, что она всегда рядом. Что у меня дома, вместе со мной, и только со мной, есть такое чудо. Это неопишное чувство – я даже не подозревал, что такое возможно. Я каждый день осыпаю ее цветами и комплиментами – и, кажется, никогда уже не смогу остановиться. «Ты – восьмое чудо света!» – так я ей и говорю. Или вот давеча чего сформулировал: «Если, говорю, завтра неоспоримо докажут, что существует бог, на меня это не произведет никакого впечатления. Потому что я навек впечатлен тем фактом, что есть ты. А поразительнее этого ничего быть не может!...» И все это, заметь, тоже совершенно искренне. Я действительно так думаю. – Волнистый настаивал так, словно я ему не верил. А я почему-то очень понимал его и продолжал верить каждому слову, даром что

всегда считал его болтуном и хвастуном. И потом я ничего не знал о его жене, но тоже сразу уверовал, что она – какая-то особенная. Слишком уж непривычно красноречивым был сейчас Волнистый.

Мне показалось, что надо хоть что-нибудь ответить на эту пламенную речь, но я сумел выдавить лишь:

– М-да, не знаю, что и сказать...

– Когда увидишь ее, сам все поймешь, – подмигнул мне Волнистый. – Так, значит, актрисы у тебя нет?

– Нет, нет...

– Ну так посмотри Варю! В смысле – пробы сделай.

Я усмехнулся:

– Валера, слушай, да все, что у меня пока есть, – это сценарий. Его на студии только читали, а в Госкино еще ничего и не слыхивали. Пока одобряют, пока запусчусь, пока то да се... Это я не знаю, сколько еще времени пройдет...

– Так что ж ты не шевелишься? – недоумевал Волнистый. – Сходи уже в Госкино... А директор чего сказал?

– Сурин-то? Да он тоже не читал еще...

– Ну так если ты будешь таким настойчивым, то, конечно, как раз через десять лет и запустишься... Ладно уж, – Волнистый тяжело вздохнул, – я, если что, замолвлю за тебя слово. Не бойсь – всё одобряют.

И опять он меня поразил.

– Ты серьезно? – кинул я на него подозрительный взгляд. – Ты же сам хочешь это ставить! И при этом будешь содейство-

вать, чтобы мне разрешили?

– А чего такого-то? – пожал плечами Волнистый. – Я ж не собака на сене, чтоб и ни себе, и ни другим... Раз уж ты такой единоличник, ставь сам, конечно. Ты автор, ты хозяин-барин. А я тебе, безусловно, помогу, но при одном условии. («Эге! – мысленно воскликнул я. – Так я и думал, а то откуда же такое бескорыстие?») Чтоб ты в обеих главных ролях снял Варю. Я, впрочем, мог бы и не выдвигать тебе тут никаких ультиматумов. Я знаю, что ты не сможешь ее не снять. Она идеально подходит на эту роль... на две то есть роли – и лучше ее ты в целом мире не найдешь!

Здесь я все-таки позволил себе некоторый скепсис:

– Так уж и в целом мире? Что – даже с Одри Хепбёрн твою Варю не сравнить?

– Какая там Хепбёрн! – отмахнулся Волнистый. – И рядом она не валялась. Сам скоро убедишься!

Что ж, ему по-настоящему удалось разжечь мое любопытство. Теперь я не успокоюсь, пока не увижу эту самую Варю... как там ее?

– Как, говоришь, фамилия-то? – наморщил я лоб. – Варвара...

– Волнистая, – вновь просиял, как медный пятак, Волнистый.

6

Он окончательно опьянел и уже начал меня немного раздражать своим непомерно экзальтированным отношением к жене.

– Она такая прелесть, такой идеал, – вещал Волнистый, уже даже не глядя на меня, будто разговаривал сам с собой. – Я самый счастливый человек на земле – и это не фигура речи! Для меня теперь абсолютно все хорошее, что есть в мире, сосредоточено только в ней, в моей Варе. А вне ее нет и не может быть ничего хорошего... Будь моя воля, я бы вообще удалился вместе с ней навсегда от всех остальных людей. Где-нибудь на необитаемом острове бы с ней жил – и был бы еще более счастлив. Потому что там я действительно находился бы с ней рядом двадцать четыре часа в сутки. Но это утопия, конечно. Надо жить в обществе, надо работать. Прежде всего ради нее – Вари. Ей это нравится, она увлечена своей профессией. Вот я и хочу, чтобы она снималась только в самых... не скажу лучших – в самых подходящих для нее сценариях. И твой, – он наконец взглянул на меня, – твой, Аркаша... Аркадий, сценарий подходит больше любого другого. Ни в каком другом фильме Варя не просияет так, как в этом...

– А классический репертуар ты для нее не рассматриваешь? – все еще недоверчиво спросил я. В том, что Волнистый

беспредельно обожает свою жену, я не сомневался, но до сих пор не мог взять в толк, почему он прицепился именно к моему сценарию – возможно, и имеющему свои достоинства, но при этом довольно сумбурному, наигранному, подражательному, даже отчасти вымученному. Я же помню, как я его сочинял, – под конец буквально заставлял себя. Коли уж, мол, начал, надобно закончить. Потом, правда, перечитал все полностью и даже удивился: совсем не так плохо получилось, как казалось в процессе. Но и ничего выдающегося, прямо скажем. Меня так и подмывало спросить у восхищающегося Волнистого, до конца ли он понял все, что я там понаписал? Потому что сам я, например, даже и не взялся бы пересказать сюжет собственного сценария...

За этими мыслями я и не услышал половины объяснений Волнистого насчет того, почему он не видит свою Варю в классическом репертуаре:

– ...Сколько можно все это играть – то на театре, а теперь и в кино! По тому же Чехову хоть один был фильм хороший?

– У Хейфица вроде нормальные, – вставил я с таким видом, будто внимательно слушал его последний пламенный спич.

– Чушь! – отмахнулся Волнистый. – Вообще Хейфиц без Зархи испортился.

– Как и Зархи без него, – добавил я – и оба мы злорадно заржали.

– Ну вот «Анну Каренину» его ты же видел? – вспомнил

Волнистый. – Тоже ерунда! И я это не из зависти говорю – у меня бы такая же ерунда вышла. И у тебя. Потому что это набило оскомину – ну ни к чему сегодня экранизировать то, что все и так читали! Это уже бессмыслица полная, а не кино. Кино должно быть на современные темы, по оригинальным сценариям – это вот мое твердое убеждение. И я бы хотел, чтобы Варя только в таких фильмах играла – неважно, у меня или у других. Сыграй она, скажем, очередную бесприданницу или даму с собачкой, на такое просто никто не пойдет. Хотя Варя и с такими ролями справится на ять, будь покоен! Но никто не увидит, не оценит. Зритель скажет: очередное иллюстрирование литературы вместо нормального фильма...

Я вдавил окурок в пепельницу.

– Может, ты и прав. Но все равно успешные примеры можно найти, если об экранизациях классики говорить. Режиссерские большие удачи тут и впрямь трудно вспомнить, но актерские точно были... Из Одри Хепбёрн, я считаю, вышла дивная Наташа Ростова.

– Что ты прицепился с этой своей... буржуазкой? – неожиданно взорвался Волнистый.

Я рассмеялся:

– Почему буржуазкой? Потому что актриса из капстраны?

– Потому что типичная мешанка из капстраны! – безапелляционно заявил Волнистый. – И вообще, Савельева мне в этой роли больше нравится, – добавил он.

– Да, и она недурна, – согласился я. – При том что такой

же примерно типаж... А Варвару свою ты бы как описал? Может, похожа на кого-нибудь? Хоть отдаленно...

– Ни на кого, – серьезно заявил Волнистый, смотря на меня уже протрезвевшими, как мне показалось, глазами. – Даже отдаленно. Она просто лучше всех.

Когда следующим утром я пришел на студию, то первым делом попросил свою «правую руку» – второго режиссера, первого ассистента, и вообще, незаменимого помощника Вере – отнести сценарий директору «Мосфильма» Сурину.

Вера в недоумении приняла из моих рук папку:

– Ты все-таки хочешь это ставить?

Я вскинул на нее глаза и с легким недовольством спросил:

– А что такое?

Вера замялась было, но тут же глубоко вдохнула и решительно сказала:

– Аркадий, это неудачный сценарий.

Почему-то ее мнение – к которому я всегда прислушивался – не вызвало у меня никакого огорчения и даже, наоборот, пробудило какую-то азартную радость.

– Кто тебе это сказал? – еле сдерживая смех, поинтересовался я.

Вера оскорбилась:

– У меня и своя голова есть на плечах.

– Значит, это твое личное мнение?

– Да. Но ты, конечно, и сам считаешь так же.

– Я? Вовсе нет. С чего ты взяла?

– Потому что... – Вера запнулась, – потому что я знаю тебя лучше, чем ты сам.

Вся моя радость куда-то улетучилась. Я вновь подумал о том, о чем старался никогда не думать. Я избегал этих мыслей, а если они все-таки возникали, старался уверить себя, что это все нелепые домыслы. Но хотя бы раз в день Вера обязательно говорила или делала что-то такое, от чего я моментально приходил в неуютное замешательство. Я почти боялся этих моментов.

Вот и сейчас я с щемящей тоской подумал: «Нет, это все-таки правда. Сколько можно себя обманывать? Она меня любит. Или скажем менее категорично: она в меня влюблена. Сути дела это не меняет. Все это очень грустно. И я вновь остро чувствую себя виноватым, хотя умом понимаю, что ни перед кем ни в чем не провинился...»

Казалось бы, при чем здесь тоска, грусть, чувство вины? Тебя полюбила молодая, симпатичная, умная, интересная девушка – тут радоваться надо. Пользоваться – само же в руки плывет. Тем более давно пора жениться, а Вера будет хорошей женой. Верной – во всех смыслах этого слова. Она и сейчас абсолютно верна мне и преданна, хотя ни о чем подобном я ее не просил и не мог просить. Между нами никогда не было ничего – абсолютно ничего. Только тесные рабочие отношения.

Дело в том, что, будучи прекрасно осведомлен обо всех многочисленных достоинствах Веры, я тем не менее не испытывал к ней никакого, пусть даже самого крохотного, эмоционального или физического влечения. И сам не понимал

почему.

Она меня ничем не раздражала, я не мог найти ни одного изъяна ни в ее внешности, ни в ее поведении, словах, поступках... И вместе с тем рядом с ней я всегда был холоден как лед. Мешала рабочая обстановка? Ничуть, ведь на милостивых актрис, с которыми тоже приходилось вступать в сугубо служебные отношения, это почему-то не распространялось. Скажу больше: даже в эпизодах я старался снимать только тех молодых женщин, к которым у меня было хотя бы легкое половое влечение.

К Вере – не было. Хотя я не сомневался, что оно неминуемо появилось бы, попытайся я ее соблазнить. Родилось бы, так сказать, в процессе соблазнения.

Но мне ведь совершенно не хотелось предпринимать какие-либо шаги в этом направлении. Чего я этим добьюсь? Только того, что мне потом будет стыдно смотреть своей помощнице в глаза.

Да, я мог бы сделать Веру своей нерегулярной (скорее, даже спорадической) любовницей, но для такого я ее слишком уважал. А так называемые серьезные отношения были между нами исключены. Это я знал точно. Я неспособен добровольно обрекать себя на муку тесной связи с нелюбимой женщиной.

При этом расставаться с ней как с сотрудницей я тоже не собирался. Без нее я уже не смогу – или смогу, но с очень и очень большим трудом и напряжением. Вера – именно из

тех редчайших профессионалов, которые бесценны и незаменимы.

Да и с какой стати мне с ней расставаться? Ради мимолетного удовлетворения похоти? Совершенно непрактично. Дерзаю к тому же надеяться, что не такая уж я сволочь, чтобы сотворить нечто подобное.

8

Как всегда, в такие моменты погружения в себя я, докурив одну сигарету, машинально прикурил от нее другую. Вера сморщилась и помахала перед лицом рукой:

– Зачем ты так много куришь?

– Курить полезно, – по привычке отвечал я. Всегда привожу этот довод – и он на всех почему-то действует безотказно. Никто не пытается возразить.

Вера развернулась, чтобы идти выполнять мое поручение, которое ей не хотелось выполнять. Я ее окликнул:

– погоди, у меня еще вопрос: ты не знаешь такую актрису Варвару... Варвару... Тьфу, опять фамилию забыл!

– Мясникова? – предположила Вера.

– Кажется, нет, – покачал я головой. – Что за Мясникова?

– Анка-пулеметчица, – напомнила Вера.

– Из «Чапаева»? – удивился я. – Так она уже старая!

– Сейчас уже да.

– А я-то про молодую говорю.

Вера задумалась:

– Молодую актрису Варвару... Что-то не припомню. Редкое имя – Варвара. Сейчас так никого не называют.

– Да, это точно. Я ни одной Варвары еще не встречал. Вообще нигде. Только в «Золотом теленке» была Варвара – жена Васисуалия Лоханкина.

– У Чуковского еще была в «Айболите», – вспомнила Вера. – Еще слышала, что Роу новый сценарий написал – «Варвара-краса, длинная коса».

– Ох уж этот Роу, – покачал я головой. – В халтурщика же превращается. «Ночь перед Рождеством» была хорошей, а все, что дальше...

– Зато его неплохо смотрят, – не преминула уколоть меня Вера. Мои фильмы успехом не пользовались.

– По-твоему, это самое главное? – мрачно посмотрел я на нее.

– Кому как, – пожала Вера плечами.

– Ну а как тебе?

– Для меня главное – работать в кино.

– Даже со мной?

– Особенно с тобой, – немедленно сказала Вера, но чтобы не вгонять меня в очередной конфуз, добавила: – Мы с тобой спелись очень. Я знаю, что тебе надо. Поэтому с тобой легко работать.

– Легко? – не поверил я. – Да мы ведь вечно спорим!

– Но побеждаю-то в этих спорах всегда я. – Вера попыталась изобразить улыбку хищницы – и у нее это даже почти получилось.

– Твоя правда, – в очередной раз вынужден я был с ней согласиться. – Но в этот раз победителем выйду я. – И я показал рукой на папку со сценарием.

– Ой, да брось! – Вера иронически сморщилась. – Я, ко-

нечно, отнесу и директору, и кому хочешь, но это ничего не даст. Не позволят тебе эту белиберду снимать.

– Прямо белиберду? – Тут уже я всерьез оскорбился.

– Говорю как есть, – парировала Вера.

Я напустил на себя важный вид:

– Вера, ты, кажется, не первый год в кино. Прекрасно ведь знаешь, что сценарий – это еще не фильм...

– Конечно! – перебила она. – И еще я прекрасно знаю, что по дурному сценарию хороший фильм не снять. Наоборот – бывает, а вот так – никогда.

В глубине души я знал, что она права, но соглашаться не хотелось:

– Ладно, ладно, Вера, зачем такая категоричность? У нас по-всякому бывает. Иногда и актер так сыграет, что из-за него одного любая белиберда на ура будет смотреться.

Вера даже руками всплеснула:

– Вот это речь! И это говорит Аркадий Дикобразов, который раз миллион, наверное, при мне декларировал, что актер – самая презренная на свете профессия!

И не давая мне продолжить этот наш очередной спор, Вера молниеносно удалилась.

9

После обеда Вера любезно сообщила мне, что молодая актриса Варвара, о которой я спрашивал, – это, вероятно, Варвара Армагерова.

– Так, ничего, хорошенькая, – присовокупила Вера.

– А где ты ее видела? – заинтересовался я.

– На фото сейчас, в картотеке.

– А в кино?

– В кино – нет, у нее там фильма три всего. И все какие-то неизвестные.

– Она у своего мужа Волнистого снималась, – сказал я с некоторой, сам не знаю почему, ехидцей.

– Господи! – Вера закатила глаза к потолку. – Нашла, за кого выходить! Этот Волнистый – такая бездарь...

– Что – даже бездарнее меня? – спросил я, недвусмысленно напрашиваясь на комплимент.

Вера посмотрела на меня оценивающе:

– Ты – многообещающий. В тебе что-то есть.

– Но на данном этапе... – Сокрушенно развел я руками, ожидая, что Вера хоть сейчас скажет что-то более комплиментарное.

– Ну а на данном этапе – сам знаешь, – всего лишь молвила она – и вышла.

После этого я сам сходил в картотеку – и впервые полюбо-

вался на Варвару Армагерову-Волнистую. Ее фотографии, впрочем, не то чтобы сильно меня впечатлили – я даже разочарованно подумал, что Волнистый, как и следовало ожидать, необоснованно приукрасил достоинства новоиспеченной супруги.

Тем не менее я позвонил в Госфильмофонд и заказал просмотр всех четырех фильмов, в которых на данный момент снялась Варвара Армагерова.

Сам не знаю, зачем мне это нужно. До стадии проб еще далеко – если они вообще будут. На фото Армагерова вовсе меня не покорила, к чему я внутренне был готов. Вроде девушка как девушка. Да, привлекательная, но не настолько, чтобы впервые увидевший ее фото режиссер вскочил и крикнул: «Хоть из-под земли, но сию секунду достаньте и доставьте мне эту актрису!»

Уверен, что если бы Вера принесла мне фото Армагеровой вместе со снимками десятков прочих актрис, среди которых мне надо было выбрать исполнительницу пусть даже небольшой роли, мой глаз вряд ли бы даже задержался на такой Варваре.

Однако вот уже я еду в Белые Столбы, дабы до глубокой ночи просидеть там, осваивая ее пусть скудную, но все-таки фильмографию.

Да все понятно – заняться мне просто нечем. Готов зацепиться за любой повод, лишь бы хоть что-то делать. Как там Плятт говорил в «Весне»? – «Где бы ни работать, только бы

не работать!»

Удобно устроившись в заднем ряду просмотрового зала, я щелкнул зажигалкой одновременно с включением проектора. Что ж, наутро уборщице придется выметать из-под моего кресла целую гору пепла.

Первый фильм был, конечно, Студии Довженко. Такое впечатление, что актеры чуть ли не всего Советского Союза дебютировали именно там – в Киеве.

Конечно, колхозная драма. Конечно, скверно написанная и чудовищно наигранная. Я часто спорил с коллегами: что у «довженковцев» хуже – сценарии или режиссура? И всегда мы приходили к выводу, что «оба хуже», как сказывал товарищ Сталин.

Как обычно на таких скучных картинах, вместо того чтобы следить за сюжетом, я унесся мыслями куда-то далеко. Смотрел на экран, видел какие-то лица, смену кадров, слышал реплики – но до моего сознания они не долетали.

Я думал, что мне повезло выпуститься уже при Хрущеве. Сразу выбился в режиссеры-постановщики. А будь на дворе малокартинье, я бы что делал? До сих пор бы ассистировал Юткевичу или Герасимову.

Или, может, вообще в документалистику подался. Как Рязанов когда-то. Да, он сумел из этой клоаки вырваться в нормальное кино, но, кажется, только ему такое и удалось.

В общем, спасибо товарищу Хрущеву за нашу счастливую младость...

Вдруг я увидел на экране девушку – и в ту же секунду понял, что это Варвара. Она играла совсем небольшую роль скромной деревенской девицы, которую, как нарочно, полюбил столь же застенчивый парень (или, как выражались в этом фильме, парубок). Оба героя были третьестепенными – необязательный побочный сюжет, призванный внести хоть какое-то разнообразие в сюжет основной, где двое влюбленных друг в друга передовиков (еще один парубок и еще одна дивчина) вступали в какое-то очередное идиотское соцсоревнование. В противоположность персонажу Варвары и ее хахалю главные герои были страстные и энергичные – однако смотреть на них и всю их ходульную любовь, которой только мешает одержимость высокими показателями удоя, являлось подлинным мучением.

Варвара же Армагерова сразу привлекла мое внимание. Она вообще ничего не играла (да и нечего было играть) – просто скромно сидела в сторонке, потупив глазки. Иногда она, впрочем, внезапно вскидывала взгляд – и даже от камеры неважного, как всегда у «довженковцев», оператора не могло укрыться, какие у нее огромные и прекрасные глаза.

Я был поражен. Фотографии Вари совершенно не передавали и десятой доли ее прелести. Я впервые увидел настолько киногеничную – и одновременно настолько нефотогенич-

ную – актрису. Может, просто фотограф снимал криворукый?

Я смотрел на Варю какие-то три минуты – и вновь, теперь уже бесповоротно, поверил всем давешним излияниям Волнистого. Да, по такой девушке и впрямь немудрено сходить с ума.

В ней был какой-то невероятный магнетизм. Пожалуй, ее даже нельзя было назвать красавицей – в привычном понимании этого слова. Допускаю, что нашлись бы ограниченные мужчины, которых Варвара бы не впечатлила. Но человека, хоть самую малость восприимчивого к чему-либо тонкому и прекрасному, она не могла не покорить.

Она не была похожа ни на кого из всех девушек, которых я когда-либо знал лично, видел со стороны или просто наблюдал в кино, как сейчас ее. В течение нескольких минут я точно понял, что лично для меня Варя – абсолютное воплощение красоты. Во многом за счет своей уникальности, ибо (опять же лично для меня) прекрасное должно быть неповторимо. Красота штампованная, шаблонная, расхожая не интересовала меня никогда. «Привычная красота» – как это вообще? Оксюморон совершеннейший.

Следующий фильм я уже смотрел куда внимательнее: там у Варвары была более крупная роль.

Сама картина, однако, была чуть ли не гаже первой. Дурной шпионский детектив, опоздавший как минимум на десятилетие. Враги Советского Союза засылают к нам очеред-

ного диверсанта из бывших военнопленных, не вернувшихся на родину. Разумеется, кретинские вражины не придумали ничего умнее, как забросить предателя именно в когдатошные его родные края. Там его немедленно опознает какая-то старая женщина, а он, поняв, что провалился, свидетельницу умерщвляет. Но отважная юная девушка – дочь убиенной – выслеживает мерзавца и помогает милиции схватить его.

Здесь Варвара Армагерова предстала уже совсем в ином свете. Любо-дорого было смотреть на ее сосредоточенность, решительность, борьбу страха и жажды отмщения во все тех же ее изумительных больших глазах – ничего общего с предыдущей анемичной ролью. Хотя слов (тем более разумных) для нее и тут почти не написали, Варя умудрилась сыграть эту почти немую роль с максимальной выразительностью. Маленькое чудо в совершенно безнадежной картине. Если критики, писавшие об этом фильме, не отметили в положительном ключе работу Армагеровой, они такие же болваны, как те, кто этот фильм снял.

Как я понял, обе сии картины – совсем недавние, позапрошлогодней, может, давности. Но как наши деятели могли прошляпить такую актрису?! Да она давно уже должна была сыграть как минимум пару главных ролей у приличных режиссеров – и стать всесоветской звездой. Уж в Голливуде столь драгоценный материал не затерялся бы. На Западе Варвара Армагерова очень даже запросто составила бы конкуренцию Одри Хепбёрн: Волнистый и тут был прав.

Да-да, я уже и в этом был с ним всецело солидарен: наша Варя еще очаровательнее их Одри!

Третье кино с Армагеровой мне понравилось чуть больше двух предыдущих. То была «ленфильмовская» городская молодежная комедия с примитивной неразберихой в качестве основного двигателя сюжета. Под каким-то крайне надуманным и неестественным предлогом вышло так, что главную героиню – приехавшую поступать в ЛГИТМиК провинциалку – повсюду принимают за другую барышню, с которой у нее отдаленное сходство: знаменитую московскую певицу. Чтобы эта путаница продолжалась как можно дольше, авторам буквально в каждой сцене приходится жульничать и выставлять персонажей идиотами. Сколько-нибудь разумный герой в первую же минуту разрешил бы нелепое недоразумение – но в советских комедиях разумных людей не бывает (впрочем, не поручусь, что таковые есть в комедиях западных).

У Варвары опять была не главная роль – сюжет вертелся вокруг провинциалки. Кстати, сходство двух героинь, сделанное пружиной всего действия, являлось чуть ли не самым слабым местом в картине, ибо исполнительница центральной роли нимало не походила на прелестную Варю. Только и сходства что тоненькая фигурка да темные волосы.

При этом Варвару показывали всего ничего – как она приезжает из столицы, как ей всюду удивляются и говорят:

«А кто же у нас сейчас выступал?» – и так далее. Соответственно и почти все песни здесь исполняла провинциалка. Впрочем, и на долю Армагеровой выпал один музыкальный номер – и спела она куда чудеснее протагонистки. Интересно, это действительно ее голос?..

Наконец пришло время и фильма Волнистого, о котором он мне рассказывал. Название, как всегда у него, позерское – «Закат в Закавказье». Лучше бы просто – «Закат». Но для Волнистого такое, понятно, слишком просто...

Сценарий (Волнистый написал его в соавторстве – не помню с кем) был не лишен остроумия: действие происходило во время Гражданской войны, однако сюжет явно строился по лекалам лермонтовской «Княжны Мери». Современным «Печориным» оказался белый офицер – но, конечно, переодетый: на самом деле это красный комиссар, приехавший во Владикавказ устанавливать советскую власть.

Варвара Армагерова играла главную женскую роль – так сказать, «княжну Мери». Конечно, из дворян. Конечно, она смертельно влюбляется в замаскированного коммуниста. Но для него, понятно, долг превыше всего и тому подобное. В общем, чухраевский «Сорок первый» с переменной ролей. Разве что здесь оба возлюбленных остаются живы – просто навеки расстаются. Он едет еще куда-то добывать беляков и устанавливать советскую власть – она, судя по всему, вскорости эмигрирует. Не столько приключенческий фильм, сколько слезливая мелодрама.

Эта картина – а вернее, работа в ней Армагеровой – увлекла меня настолько, что я даже поминутно забывал о сигаретах. Зато по окончании гигантского киносеанса курил уже не переставая.

Я курил по дороге домой, курил до и после своего позднего холостяцкого ужина, курил в постели...

Курил и без конца ворошил в голове кадры с удивительной Варварой Армагеровой. Мне не давал покоя один вопрос: если бы Волнистый не «подготовил» меня к именно такой на нее реакции, я бы воспринял ее так же – или все-таки не со столь сильным восторгом?

Разумеется, я смотрел на нее не просто как зритель, а больше как режиссер. И даже как режиссер, который смотрит на актрису, которую ему предлагают снять. Кажется, здесь неминуемо искаженное, излишне пристрастное восприятие – разве нет?

И все-таки нет! Убежден, что Варвара поразила бы меня на экране и вне всех этих обстоятельств. Не имей я даже никакого отношения к кино, я все равно воспринял бы ее именно так – как что-то неизъяснимо чудесное и необыкновенное.

До этого я примерно так воспринимал пресловутую Одри Хепбёрн, поработать с которой у меня нет ни единого шанса. И даже вряд ли я ее когда-либо увижу вживую.

Но зачем мне теперь заморская звезда, превознесенная другими?

Я создам свою звезду – и она превзойдет всех звезд Земли.

Я искренне так думал. Не из-за своих способностей – я знал, что они заурядны. И здесь не было желания сделать себе имя за чужой счет, заполучив в свой фильм потрясающую девушку. Я действительно хотел прославить именно ее. Даже если бы тут не было для меня ни малейшей выгоды, я бы все равно страстно желал это сделать.

На следующий день Сурин вызвал меня к себе и, прежде чем начать говорить, долго хмурился и перебирал бумаги. Зная директора, я уже примерно понял, в чем дело...

– Прочел твой сценарий, – внезапно сказал Сурин, по-прежнему глядя не на меня, а в какую-то папку. Можно было подумать, что это я заявился к нему по своей воле и отвлекаю от неких наиважнейших дел. – Откровенно говоря, мне он не нравится! – добавил Сурин, наконец вскинув на меня глаза. Одновременно с этим он нарочито громко бухнул папку, которую держал в руках, на стол.

Я скосил на нее глаза: нет, это не мой сценарий.

– Будь моя воля, – продолжал тем временем Сурин, – я бы, конечно, ни за что не допустил, чтобы подобную картину ставили на «Мосфильме». – Он внимательно посмотрел на меня при этих словах и, видимо, понял, что я не удивлен. – Ну ясно, ты, разумеется, в курсе, могло ли быть иначе... – протянул директор. – Небось, заранее заручился поддержкой дружка? А то бы, поди, и не рискнул такую писанину мне совать...

– Что за дружка? – оскорбился я. – Никого я ни о чем не просил.

– Еще скажи, что не рассказывал Волнистому про свой сценарий! – усмехнулся Сурин.

– Ну да, давал ему читать. И все. Никаких просьб не было.

– Мне позвонили из Госкино, – мрачно сообщил директор.

– Если это Волнистый, я тут ни при чем, – пожал я плечами.

– Да перестань! – простонал Сурин. – «Если это Волнистый!» А кто ж еще такое бы устроил? У кого дядя – большая шишка? Таких дядь даже у меня нет...

– Разве он ему дядя? – усомнился я.

– Во всяком случае, не тетя, – отмахнулся директор. – Короче, дядя звякнул в Госкино – а те уже сразу мне. Запускайте, мол.

– А вы? – задал я глупый вопрос. Сурин посмотрел на меня с ненавистью.

– А я сказал: хрен вам! – неожиданно воскликнул он.

– Правда? – ахнул я.

– Кривда, – вновь сник директор. – Конечно, я сказал: всегда пожалуйста! Что я еще мог сказать?

– «Что я еще могу сказать?» – некстати вспомнил я письмо Татьяны к Онегину.

– Издевайся-издевайся. – Сурин, будто обессиленный, плюхнулся на стул. – Это вы, конечно, молодцы у нас с Волнистым. Едва ли не слабейшие режиссеры на студии, а амбиций...

– Да какие амбиции. – Я старался говорить ровно. – Просто хочется кино снимать. Нормально работать.

– Что ты говоришь! – с презрением воскликнул директор. – Это имеешь в виду? – Он поискал глазами мой сценарий, но наткнулся лишь на все тот же чужой, взял его в руку и еще раз хлопнул об стол. – Так это – не кино.

– Пока еще не кино, – уточнил я.

– Скажи, – Сурин вновь заглянул мне в глаза, на этот раз как будто даже с участием, – ты в новые Тарковские метишь?

Я усмехнулся:

– Да нисколько. У меня с Тарковским ничего общего.

– Ошибаешься, – покачал головой директор. – Он своего «Рублева» для иностранцев снял. Потому что русскому... советскому зрителю такое кино на хрен не сдалось... И вот это твое, – Сурин вновь потряс не моей папкой, – советские люди тоже не станут смотреть!

– Посмотрим, – зачарованно улыбнулся я, вспомнив о Варваре.

– И смотреть нечего! В Доме кино, может, и посмотрят. На фестиваль поедешь – один, другой, третий. И что? Родина-то тебя все равно не поймет!

– Эх, Владимир Николаевич! – с досадой воскликнул я. Но ничего не добавил, а просто молча вышел из кабинета.

«Волнистый сделал свое дело», – удовлетворенно подумал я, закуривая.

И тут же на ум само собой пришло: «Волнистый может уходить».

Легкий на помине, Волнистый позвонил мне почти сразу, как я оказался рядом со служебным телефоном.

– Ну как тебе сюрприз, старик? – спросил он не особенно радостным, как мне показалось, голосом.

– Спасибо, конечно, – неловко ответил я.

– Своими собственными усилиями ты бы тут точно ничего не добился, – продолжал хвалиться Волнистый.

– Да знаю, знаю... Еще раз спасибо.

– Одна только заминка, – вдруг озадаченно сказал Волнистый. Я напрягся:

– Что такое?

– Сценарий, понимаешь, на самом деле никому не нравится. Только мне.

Мне показалось, что я догадался, о чем он.

– Понимаю. В общем, под влиянием большинства ты пересмотрел свое мнение – и теперь тоже не видишь в этом сценарии ничего хорошего. Так?

– Ну что ты, старик, – недовольно отозвался Волнистый, – обижаешь... Когда это я поддавался влиянию большинства?.. Нет, плевать мне на них на всех, раз они ничего не смыслят... Но дело, видишь, в том... Короче, сценарий даже и Варе не нравится. Вот так. Я прямо не ожидал...

Я чуть не крикнул от досады, но сдержал себя.

– Так, так, – только и сказал я. – Ну что ж, значит, видно, придется устраивать пробы...

– Нет-нет, ни в коем случае! – поспешно перебил Волнистый. – Варя будет сниматься!

– То есть как? Сценарий ей не нравится, но она согласна? Потому что ты ее уговорил, да?

– Нет, – цокнул языком Волнистый, – я как раз не смог уговорить. А вот ты сможешь! – неожиданно заключил он.

– Каким образом? – не понял я. – Я с ней даже не знаком.

– В том-то и дело! – воскликнул Волнистый. – Ты с ней познакомишься – ну и уговоришь. Ты сможешь, я уверен.

Я не совсем понимал, к чему он клонит.

– Ну а как это устроить? Что я могу? Только вызвать ее на пробы. Но раз она прочла сценарий и не заинтересовалась, то что – другой сценарий ей предложить?

– Нет, нет, – говорил Волнистый. – И я так и представлял себе, как он усердно мотает своей тяжелой головой. – Не надо никаких проб и никаких вызовов. В лицо она тебя не знает. Ты ее... Ну ты-то, конечно, ее узнаешь? Уже что-то с ней посмотрел, правда ведь?

– Правда, – не стал скрывать я. – Узнаю, конечно.

– Не буду даже спрашивать, как она тебе. – К Волнистому вернулось его обычное самодовольство. – И так знаю, что ты в ошеломлении... Ну так вот, ты попросту подсядешь к ней в ресторане, вы разговоритесь, то да се, потом скажешь, что ты режиссер – ну и дальше все, конечно, само собой полу-

чится.

Признаться, его план показался мне глуповатым.

– Постой, а чего мы этим добьемся? Даже если допустить, что замужня женщина – твоя жена, между прочим! – вот так запросто разговорится с каким-то незнакомцем в каком-то ресторане...

– Не в каком-то, а в «Арагви», – перебил Волнистый.

– И что это меняет?

– Ты согласишься, – убежденно сказал он мне. – Ты это умеешь.

– Разве? – Я был удивлен и даже несколько польщен. – Ну хорошо, допустим, разговорю. Но, в конце-то концов, все равно придется выложить карты на стол. И она поймет, что мы с тобой это подстроили, – и тогда... Тогда уж точно не согласится, а может, еще и на тебя разобидится.

– Нет, она никогда не обижается, – просветил меня Волнистый. – Она – ангел. И после того как вы познакомитесь, ей уже будет неловко тебе отказать. Вот увидишь, так и будет. У меня тут и сомнений никаких нет...

– Как-то это нехорошо все-таки, – пробормотал я. – Строить какие-то планы, чуть ли не козни, чтобы заставить актрису сниматься в фильме, в котором она не хочет сниматься...

– Искусство требует жертв, – сказал Волнистый таким тоном, словно только что лично изобрел эту формулировку.

Мы условились, что сегодня я приду в «Арагви» ровно в 20:00. Волнистый с женой явятся туда раньше – а без пяти восемь к Валерию подойдет официант и попросит подойти к телефону. Озадаченный Волнистый тут же вернется к столику и сообщит Варваре, что ему срочно нужно отлучиться. Как только он уберется, зайду я, увижу, что свободных столиков нет (Волнистый заверил меня, что в этот день и час таковых там и не бывает), попрошу позволения сесть с Варварой – а дальше, как пошловато выразился Волнистый, «дело техники».

Придя в ресторан, я стал ждать Волнистого у гардероба. Он был пунктуален – вышел ко мне в самом начале девятого.

– Ну все, давай, – пожал он мне руку. – Иди сразу, а то, не ровен час, еще кто-нибудь к Варе прилипнет... Проследи, кстати, чтобы никто к ней не приставал. Я на тебя надеюсь.

Я усмехнулся:

– А не боишься, что я сам начну приставать?

– Ты режиссер – тебе можно, – беззаботно отвечал Волнистый. – У тебя это сугубо профессиональный интерес.

– Но как ты знаешь и без меня, режиссерский интерес к актрисе очень часто перерастает во что-то большее, – зачем-то продолжал я его провоцировать. Однако Волнистый не поддавался.

– На твой счет я спокоен, – похлопал он меня по плечу. – Я знаю, что ты ничего такого себе не позволишь.

Я даже немного оскорбился:

– Почему ты так уверен?

– Потому что ты порядочный парень. Просто редкий экземпляр среди нашего брата... Ну все, хватит, давай скорее к ней...

– Пока, – сказал я, закурил и нарочито медленно пошел в зал. Я не без удовольствия вообразил, что Волнистый сейчас смотрит мне в спину с ненавистью. Почему мне все время хочется его позлить? Потому что он меня раздражает? Скорее, потому что разозлить его невозможно. Это и есть чуть ли не самое раздражающее в нем...

Варю я заметил сразу. Мой взгляд буквально приковался к ней – всех остальных в помещении я словно и не замечал. Однако в нескольких метрах от Вариного столика я остановился и внимательно огляделся по сторонам. Мне казалось, что посетители и персонал должны были во все глаза пялиться на Варю. Ничего такого я не заметил и вздохнул с некоторым облегчением.

Бросив окурочек в большую напольную пепельницу, я уверенным шагом подошел к ее столику.

– Простите, не возражаете, если я присяду? – Я взялся за спинку стула, на котором, очевидно, только что сидел Волнистый, и впервые посмотрел в прекрасные Варины глаза.

– Пожалуйста, – слегка улыбнулась она. – Только мой муж

скоро вернется, – поспешно добавила она. И тут же поправилась, словно не желая спугнуть меня: – То есть он сказал, что вернется не раньше чем через час. Так что можете...

– Благодарствуйте, – признательно кивнул я. – Я все равно ненадолго... И даже если ваш муж вернется раньше, то... здесь и троим места хватит.

– Да, как я не сообразила! – жемчужным смехом рассмеялась Варя. – Просто вы сели именно на его место.

– Не волнуйтесь, я не помешаю вашему общению с мужем – как только он вернется, я сразу удалюсь.

– Вы не помешаете, – сказала Варя, первый раз внимательно рассмотрев мое лицо. – Тем более сразу видно, что вы интеллигентный человек.

– Спасибо.

– И вообще Валера говорит, что сюда ходят только приличные люди.

Почему-то мне резануло слух это ее «Валера» – кажется, я даже поморщился.

– Валера – это мой муж, – сообщила Варя. Я кивнул и добавил:

– Приличные люди, значит? А я думал, сюда ходят в основном грузины...

– А разве грузины непорядочные? – Лицо Вари приняло несколько озадаченное выражение. Я понял, что ляпнул глупость.

– Что вы! – покачал я головой. – Я не так выразился. Обо-

жаю грузин. Со многими дружу. С Данелией, например. Это режиссер такой, знаете?

– Знаю, – кивнула Варя и вновь наградила меня своей ослепительной улыбкой.

А я с досадой подумал: «Вот тебе и честный человек. Зачем я соврал? Вовсе я не дружу с Данелией. Так, шапочно знакомы... К чему я это? Как будто цену себе перед ней набиваю... Эх...»

Официанты не спешили ко мне подходить (может, не заметили, что у Варвары сменился сотрапезник), и я достал сигареты.

– Угощайтесь, – любезно протянул я девушке пачку с вытолкнутой вперед трубочкой.

– Спасибо, – не отказалась она. Я протянул к ней зажигалку и дал прикурить.

– «Мальборо», – с одобрением сказала Варя, затягиваясь. – Вы не дипломат?

– Нет, – усмехнулся я. – «Мальборо» у нас сегодня курят далеко не только дипломаты.

– Но вы тоже бываете за границей? – выпустив вверх тоненькую струйку дыма, спросила Варя.

– Бываю, хотя и нечасто.

– А я вообще еще ни разу не была, – с огорчением поделилась Варя. – Но скоро поеду! – тут же просияла она.

– С мужем, конечно, – понимающе кивнул я.

– Конечно.

– А он у вас...

– Он не дипломат, – с улыбкой перебила Варя, видимо, поняв, к чему я клоню. – Он кинорежиссер. Как ваш друг Данелия.

– Что вы говорите! – фальшиво воскликнул я.

«Черт, и зачем мне надо было ввязываться в эту комедию?» – тут же подумал я и еле удержался, чтобы не поморщиться. Но стоило мне посмотреть на прекрасное лицо Вари – и я понял, что очень рад тому, что Волнистый втянул меня в свой нелепый спектакль.

В жизни Варя оказалась еще прелестнее, чем на экране. В ней и впрямь был какой-то магнетизм – на первый взгляд сдержанный, неявный. Она была не из тех красоток, за которых цепляется взгляд, когда они просто проходят мимо. Допускаю, что в толпе человек, ранее с Варей незнакомый, мог бы и не обратить на нее никакого внимания. Но уверен, что всякий мужчина, которому, как мне сейчас, посчастливилось посидеть с нею несколько минут за столиком и хорошо ее рассмотреть, был бы Варей всецело покорен.

Я покорился уже в кинозале. Сейчас это чувство только усилилось – как минимум вдвое.

– Да, Валера – режиссер. – Варя явно приняла мое восклицание за чистую монету. – А я актриса. Начинающая. Так у нас часто бывает: муж – режиссер, жена – актриса.

– Это точно, – молвил я. – А вот наоборот – почему-то никогда.

Варя засмеялась и вдавила окурочку в пепельницу.

– А вы кто? – весело спросила она. – Ой, что-то мы даже не представились, а сразу перешли к профессиям. Я – Варвара.

– Варвара, – зачарованно повторил я, глядя в ее глаза. – Можно просто Варя?

– Можно, – подтвердила она.

– А я Аркадий.

– Можно просто Аркаша? – с иронией уточнила она.

– Вам можно все, – серьезно ответил я. Варя поморщилась:

– Нет, «Аркаша» вам не подойдет. Вас лучше называть просто Аркадием.

– Вы прочитали мои мысли, – развел я руками.

– Так кем же работаете вы, Аркадий? – спросила Варя и, не дождавшись ответа, обеспокоилась тем, что меня не обслуживают. – Ой, а куда же официант запропастился?

– Вероятно, он перепутал меня с вашим мужем, – горько усмехнулся я.

И тут же, прямо как в кино, пресловутый официант вырос передо мной с меню в руках. Я заказал пару салатов, цыпленка табака и бутылку вина.

– Он, кажется, тоже прочитал наши мысли, – пошутила Варя, как только официант отошел от столика.

– Вернее будет сказать, подслушал наш разговор, – поддакнул я.

– Может, так и есть, – задумчиво сказала Варя. – В каком-то фильме было – установили подслушивающее устройство (кажется, как раз прямо в стол) и таким способом поймали преступника.

– Ну нас-то с вами не за что ловить, – слукавил я. На самом деле ощущение, что именно сейчас я делаю нечто пре-

ступное, у меня только усиливалось.

Я понимал, что пора уже выкладывать карты на стол, но не знал, как к этому подступиться. Я ожидал, что Варя еще раз спросит меня, кем я работаю, но она отвлеклась на оркестр, который заиграл мелодию Зацепина из «Кавказской пленницы». Дивная, конечно, мелодия. Не позвать ли мне Зацепина в свою следующую картину? Она вполне может оказаться смотрибельной уже из-за его музыки. Плюс Варвара! – вспомнил я. Если все выйдет. Меня уже гложут сомнения...

Когда номер закончился и Варя вместе с еще несколькими посетителями зааплодировала, я слегка наклонился к ней и, стараясь говорить беззаботно, произнес:

– Представьте, а я тоже кинорежиссер!

Разумеется, это прозвучало чрезвычайно фальшиво. Я бы не удивился, если бы Варя все поняла и в ту же секунду выплеснула мне бокал с вином в физиономию. Впрочем, у нее сегодня еще будет повод сделать это.

А пока что я увидел на ее лице лишь искреннее удивление.

– Правда? – приложила она руку к груди.

– Да. – Я изобразил некое подобие голливудской улыбки.

– И вы работаете на «Мосфильме»?

– Точно так.

– Ну тогда вы, конечно, знаете моего мужа! – радостно воскликнула Варя.

Так, а что делать теперь? Тоже удивляться, когда она скажет, что ее муж – Волнистый, или...

– Мы с ним вместе учились, – решил признаться я.

Варя по-прежнему не раскусила, что я в сговоре с ее мужем (или сыграла, что не раскусила):

– То есть вы с ним... А, понимаю! – вдруг возликовала она. – Я же сказала, что его зовут Валера – и вы догадались, правильно? Валера Волнистый. С ним вы и учились, да?

– Именно с ним, – подтвердил я.

– Ясно. Валерий – не такое уж частое имя. Наверное, других режиссеров Валериев у вас и нет на «Мосфильме»?

Я задумался:

– Да нет, есть и еще. Как минимум Валерий Усков. Но он всегда работает с Краснопольским... Может, и еще кто-то есть, но...

– ...Но интуиция вам подсказала, – охотно закончила за меня Варя, – что мой муж – именно Валера Волнистый.

– Примерно так, – не возражал я. – Куда нам, режиссерам, без этой самой интуиции...

Я напряженно ждал, что Варя вот-вот все сообразит. Да и как тут не сообразить? Мосфильмовский режиссер по имени Аркадий подсаживается к ней за столик именно после того, как она отвергла сценарий мосфильмовского режиссера по имени Аркадий... Даже если бы она была глуповатой (чего по ней никак не скажешь), то и тогда давно бы все поняла. Или, как и расписывал Волнистый, она просто-напросто

настолько деликатное существо, что ни за что не позволит себе вогнуть собеседника в конфуз?..

– И над чем вы сейчас работаете? – совершенно спокойно спросила Варя. Ни в звуках ее голоса, ни на ее лице я не заметил никакого притворства, ни малейшей неискренности. Да и как заметить? Я ведь уже в курсе, что она превосходная актриса. А если к тому же и чистейший человек... Почему-то и в этом последнем утверждении я теперь совершенно не сомневался.

– Недавно закончил новый сценарий, – отвечал я, глядя Варе прямо в лицо, хотя мне до смерти хотелось куда-то спрятать свои глаза.

– А о чем он? – спросила Варя и, не дождавшись ответа, опустошила свой бокал. Я подлил ей вина. Может, она просто пьяна – вот и не может связать концы с концами? Волнистый, небось, еще до меня ее тут накачал. Какой подлец все же. Уж такие, как он, не понаслышке знают, как легко уговорить пьяную женщину на все, что угодно.

– Мой сценарий... о двух девушках, которые очень похожи друг на друга, – сказал я и чуть не зажмурился, боясь увидеть реакцию Вари. Как бы ловко она сейчас ни продолжила изображать невозмутимость, я ей уже не поверю...

Варвара как будто совершенно искренне поразились моим словам:

– Вот как?! Прямо интересно... Вы словно сговорились там на «Мосфильме»... Я, представьте, совсем недавно читала один сценарий – муж принес, – и там тоже было про двух то ли сестер, то ли не сестер, а просто двойников, я так и не поняла, если честно...

Я был озадачен. Может, мы поменялись ролями – и теперь не я, а она морочит мне голову? Что ж, буду ей подыгрывать, что мне еще остается...

– Вероятно, это был мой сценарий, – тяжело вздохнул я. Варя застыла на мгновение, но тут же хлопнула себя по лбу:

– Господи, и как я не сообразила! Ну конечно – это наверняка был ваш сценарий. Как он там у вас называется?..

– «Предчувствие».

– Точно! Ой, тогда извините... Я такая несообразительная...

– Варя, ну что вы, за что вы извиняетесь? – Я машинально дотронулся до ее руки и почти уже присовокупил: «Это мне надо извиниться перед вами», однако она меня опередила:

– Нет-нет, мне надо быть повнимательнее и пологичнее. Валера постоянно смеется над моей странной логикой – вернее, над ее отсутствием. Так что еще раз извините. Вы рас-

сказываете про свой сценарий, а я ничего не понимаю – и спокойно говорю, что читала этот самый сценарий и не удосужилась даже разобраться... То есть я же прочитала его по диагонали, можно сказать, и вот... наговорила тут сейчас чего-то не того... Я к тому же немного пьяная. Простите.

Напоминание о том, что она пьяная, словно придало мне храбрости – и я уверенно положил свою руку на ее:

– Варя, правда, вам абсолютно не за что извиняться. Наоборот, для меня очень ценно ваше мнение об этом сценарии. Вы сказали, что не поняли его, – и это очень хорошо. Не то хорошо, что не поняли, а то, что сказали об этом. И я вас очень прошу высказать свое мнение до конца. Не думайте о том, что это мой сценарий, а давайте воспринимать его просто как чье-то произведение, как вещь в себе. И, пожалуйста, пусть вас ничто не смущает, говорите то, что думаете. Вам он не понравился, верно?

Варя осторожно высвободила свою кисть из-под моей:

– Я так не сказала.

– Вы просто не успели. Надо было мне не признаваться в том, что это мое сочинение, пока вы не договорили до конца.

– Да нет, я как раз уже все сказала – все, что могла. Я не разобралась, прочла невнимательно – ну и, конечно, ничего не поняла, как же иначе? То есть какой-то обычный сценарий, может, и можно так читать, но ваше произведение – оно явно умное, и поэтому...

– Варя, – мягко перебил я ее и покачал головой, – вы не правы. Я вижу, что вы просто очень и очень деликатная девушка (я чуть было не добавил: «Валерий мне про вас так и рассказывал», но вовремя прикусил язык). И вам не хочется меня огорчить даже самую малость. Но, поверьте, вы бы меня совершенно не огорчили, если бы без всяких обиняков высказали свое мнение. Тем более что я сам знаю цену своему, с позволения сказать, творению. Это совсем не умный сценарий, Варя, нет. Это даже и глупый сценарий...

Варя улыбнулась:

– Это неправда. Вы на себя наговариваете. Я прочитала как попало, но даже этого мне хватило, чтобы понять, что сценарий далеко не глупый.

– Вы его не поняли, как сами признались, – напомнил я. – Вот вам и показалось, что он какой-то слишком умный. А на самом деле он, возможно, просто бессмысленный. И я все равно не поверю, если вы скажете, что у вас не мелькнула такая мысль.

Варя словно бы внезапно протрезвела и очень серьезно сказала:

– Аркадий, можете не верить, но такой мысли у меня действительно даже не промелькнуло.

Я молча предложил ей еще одну сигарету. Варя кивнула. Мы снова закурили, и на пару минут воцарилось молчание.

– А все-таки эти девушки, – вдруг спросила Варя, – ну героини из вашего сценария... Мне вот сейчас интересно стало... то есть мне это сразу было интересно, но я так и не поняла... Они, в общем, сестры там у вас – или просто такие очень похожие друг на друга?..

Я замялся:

– Мм, признаться по совести, я и сам не знаю...

Варя засмеялась:

– Вот славно! Автор сам не знает, что написал!

– Так и есть, – виновато развел я руками. – Это довольно частая на самом деле история. Не смейтесь.

Варя сдержала себя, но продолжала улыбаться:

– Хорошо, может быть, в этом как раз что-то и есть. Зритель останется в неведении.

Я просиял:

– Вот именно! Вы умница, вы все поняли. Я как раз давно хочу снять нечто такое загадочное, что оставит в недоумении, в неведении... Это вы очень точно сейчас сказали. Мне просто самому – как зрителю – до смерти надоели все эти одинаковые фильмы...

– Я вас тоже понимаю, – поддержала Варя. – Как зритель-

ница я еще, может, могу такие фильмы вытерпеть. Но сниматься в них – это... Я совсем немного снималась на самом деле, но все это ерунда. Почти все. Я же еще снялась у Валеры – мы так и познакомились, – и вот этот его фильм мне нравится...

Я задумался: сказать ли, что уже видел все фильмы с ней? Но тогда, какой бы пьяной она ни была, она уж точно поймет всю нашу с Волнистым дешевую игру... Значит, увы, опять придется лукавить. А говоря напрямик – элементарно врать.

– Слышал про этот фильм, – отозвался я. – Обязательно посмотрю в скором времени.

– Не судите меня строго, – немного смутилась Варя.

– Что вы, уверен, вы сыграли прекрасно.

– Почему вы так думаете?

– Интуиция.

– Режиссерская?

– Конечно.

– А вы хороший режиссер?

Тут пришел черед смущаться мне.

– Знаете, если я скажу «да», то это будет...

– Да, вы правы, – засмеялась Варя. – Это, конечно, не дело – такие вопросы вообще не задают. Это только потому, что я выпила, а то бы я... Ну да, это как если бы у меня спросили, хорошая ли я актриса, а я бы в ответ: еще какая!.. Это было бы так ужасно, просто пошло!..

Варя действительно была уже очень пьяна, но я умилял-

ся, слушая ее. Первый раз видел девушку, которая так трогательно выглядит в опьяненном состоянии. Обычно поддаваемые дамочки меня раздражают даже и тогда, когда я сам не менее поддаю...

– Одним словом, не знаю, какой я режиссер, – сказал я, вновь дотрагиваясь до ее пальцев, – но точно не такой, который хочет снимать тысяча первую вариацию того, что уже снято...

– Да-да, – опять поддакнула Варя, – что-нибудь там про колхоз, например. Уверена, вы никогда не снимали про колхоз!

– А у вас тоже, оказывается, интуиция, – в шутку протянул я.

– Просто для меня если человек снимает про колхозы, – язык Вари уже немного заплетался, – то он для меня вообще... Я снималась у одного украинского режиссера – и это, знаете... Это была просто первая роль, а то бы я ни за что... Я даже и смотреть не могу про эти колхозы, а не то чтобы...

– Ну тогда мой сценарий как раз должен был вам понравиться, – вставил я. – Хотя бы от противного. Он ведь максимально далек от таких как раз кондовых советских сценариев...

– Вот именно: кондовых! – Варя чем-то приглянулось это слово. – Кондовых, да... Не люблю ничего кондового...

– Чего-чего, а никакой кондовщины в моем сценарии нет, – съюморил я.

– Значит, я люблю и ваш сценарий, – без иронии ответила Варя. Впрочем, какая уж ирония в таком состоянии...

«Так-так, – раздумывал я. – Сейчас ничего не стоит заручиться ее согласием. Но завтра она может попросту не вспомнить о нем. Или сделать вид, что не вспомнит... Черт, не надо было ее поить. По-моему, и так бы все получилось. Ну ладно, будем работать в предлагаемых обстоятельствах, как завещал старик Станиславский».

– Варя, – позвал я ее, вновь отвлекшуюся на оркестр. Она повернула голову и посмотрела на меня зачарованно-хмельными глазами:

– Да?

– Сигарету? – машинально предложил я.

– Хорошо, – кивнула Варя. – Вам я не могу отказать.

– Почему? – удивился я.

– Потому что в вас есть что-то такое... – Она сделала неопределенный жест рукой. – Я думаю, вы можете уговорить женщину на все, что угодно...

Она прямо повторяет слова Волнистого, уже и в его устах меня озадачившие. Может, это они с муженьком устроили мне розыгрыш, а вовсе не я и Волнистый – ей, Варя?.. Да нет, бред, на кой им это?.. Просто сейчас все ее слова незачем воспринимать всерьез. Я не должен изумляться, даже если она сию минуту признается мне в любви... И уж тем более не должен ни на что здесь рассчитывать... Надо это усвоить! Согласится у меня сыграть – прекрасно, но о чем-то еще тут и думать не след...

Я в который уже раз за этот вечер проделал нехитрую операцию, протянув Варя сигарету, поднеся ей огонь, а затем закурив и сам.

– Варя, – сказал я, выпуская дым в сторону, – я не могу не воспользоваться этим моментом. Раз вы сейчас готовы согласиться на... То есть не думайте – я сейчас вас попрошу не как мужчина, а исключительно как режиссер. Вы не могли бы сыграть в моем фильме?

– Могла бы, – немедленно ответила Варя. – В этом вашем... в «Предчувствии», да? Очень охотно. Только кого?

– Главную роль. Обе главные роли.

– Двух одинаковых девушек?

– Да. И они там все-таки не совсем одинаковые. Они внешне похожи, а внутренне серьезно различаются. Пример-

но как Одетта и Одиллия.

– Это что-то вроде... – стала припоминать Варя.

– «Лебединое озеро», – подсказал я. – Белый лебедь и черный.

– Да, конечно. Плохой лебедь и хороший, верно? Одиллия – хорошая, а Одетта была плохая...

– Не совсем так, – поправил я. – То есть совсем не так. Все наоборот.

– Одиллия – плохая? – не поверила Варя.

– Насколько я помню, да. Главная героиня – Одетта. А она хорошая.

– Ну как же так? – Варя как будто расстроилась. – «Одиллия» звучит куда лучше. Похоже на «идиллия». И при этом она, значит, плохая?

– Увы, – развел я руками. – У Чайковского так. Хотя либретто, наверно, не он писал...

– Одетта, Одетта... – Варя как будто пробовала это имя на вкус. – Что-то мне здесь не нравится...

– Может быть, то, что она одета? – скаламбурил я. – Вот если бы их звали Одетта и Раздетта...

– Ха-ха-ха! – Варя засмеялась так громко и звонко, что мне даже самому понравилась моя бессмысленная шутка.

– Итак, вы согласны! – триумфально провозгласил я. – Значит, уже завтра можем начать репетировать. Вы ведь свободны – пока нигде больше не снимаетесь?

– Пока нет, – сказала Варя. – А разве вы не устроите мне пробы?

– Считайте, что это они и были. Вот здесь и сейчас. И вы утверждены.

– Вы просто выпили, по-моему, – улыбнулась Варя. – Да и я выпила... А завтра мы, наверное...

– Не знаю, как вы, – перебил я, – а я завтра скажу все то же самое, что и сегодня.

– Тогда и я тоже, – ответила Варя после паузы.

– Ловлю вас на слове. Я вам даже запишу сейчас на всякий случай, где и во сколько вам надо завтра быть...

Я достал блокнот, вырвал из него листок и записал: «10.00, «Мосфильм», Дикобразов».

– Дикобразов, – изумленно прочитала Варя.

– Увы, – вздохнул я.

– Почему вы не возьмете псевдоним? – посмотрела она на меня. И тут же закрыла ладонью глаза: – Ой, извините, опять я говорю что-то лишнее...

– Да нет, вы все правильно говорите. Фамилия действительно потешная – и мне бы и впрямь давным-давно стоило

взять псевдоним...

– Хотя с вашим именем, – вдруг сказала Варя, – эта фамилия сочетается удивительно хорошо. Аркадий Дикобразов – это звучит. Так что не меняйте все-таки...

– Ладно, – с благодарностью посмотрел я на нее, – не буду.

– А эти ваши девушки в сценарии, – резко сменила тему Варя. – Их как зовут?

– Даша и Маша.

– И они как в «Лебедином озере»: одна – хорошая, другая – нет?

– Ну, скажем так, одна – очень хорошая, а вторая – не очень.

– И как зовут ту, которая очень?

– Даша.

– А которая похуже, значит, Маша?

– Да.

– В таком случае вы тоже неправы, – покачала Варя головой. – Как и Чайковский. Ведь, конечно, Машу стоит сделать хорошей.

– Хм, почему вы так думаете?

– Ну потому что Маша – это же такое имя... милое такое, что ли. Оно не подходит отрицательной героине. А вот Даша как раз – имя пожестче. Так могут звать негодяйку.

– Пожалуй, что-то в этом есть, – серьезно заметил я. – Только она все-таки не негодяйка у меня в сценарии. Эта вторая девушка, как бы ее ни звали.

– Ну это я так... – Варя пошевелила в воздухе пальцами. – Я же не помню толком ничего в вашем... Надо будет освежить...

– Освежите завтра, – предложил я. – Придете на студию – и вместе этим займемся. А сегодня вам уже лучше лечь спать.

– Да, вы правы, я ужасно устала... – Варя даже прикрыла глаза на несколько секунд. После чего широко распахнула их и воскликнула: – Ой, а куда же Валера подевался?

«Действительно, – подумал я, – этот момент мы с ним как-то не обсудили. Хорошо, просто отправлю ее домой».

– Давайте выйдем и я вам поймаю такси? – предложил я.
– Давайте, – не возражала Варя.

Я подозвал официанта и рассчитался, после чего проследовал с Варей к выходу. Она слегка пошатывалась, и я ее осторожно придерживал за плечи.

Когда мы выходили, кто-то как раз подъехал на такси к ресторану – и я немедленно усадил Варю в остановившуюся машину.

– А вы? – обернулась она на меня, поняв, что я не собираюсь садиться.

– А мне тут недалеко. – Я поцеловал ей руку. – Счастлив был с вами познакомиться. До завтра, Варя! – И захлопнул дверцу.

На самом деле я тоже живу далековато, но сесть с Варей в такси показалось мне неприятным окончанием этого ве-

чера. Не из-за Волнистого как такового, но, пожалуй, именно то, что Варя была замужем, заставляет меня избегать в общении с ней многих жестов и действий.

Пока еще заставляет.

Утром Волнистый позвонил мне домой, успев застать меня буквально на пороге.

– Ну что я говорил! – бодро воскликнул он вместо приветствия.

– Значит, все в порядке, – догадался я. – Варя будет сниматься.

– Конечно! Вы же, как я понял, еще вчера обо всем договорились.

– Мы были пьяны, – заметил я.

– Ну а сегодня протрезвели – и ничего не изменилось. Ни у тебя, ни у нее. Так ведь?

– У меня так.

– Вот и у нее – так. А ты еще сомневался... Если я в чем-то уверен, то уж уверен.

– Ты был прав, но мне теперь несколько совестно, – ответил я.

– Это почему? – удивился Волнистый.

– Напоили мы с тобой девушку – вот почему.

– Что значит напоили? – возмутился Волнистый. – А ты сам разве не пил?

– Сначала ты с ней пил, потом я, ну и...

– Ну и все в порядке, – слегка раздраженно перебил Волнистый. – Что тебя не устраивает? Варя только что ушла –

к десяти будет у тебя... Все – актриса есть, занимайся подготовительным периодом.

Мне не понравилась эта роль ментора, которую Волнистый пытался сейчас играть.

– Ладно, я и сам как-нибудь разберусь, – хмуро ответил я.

– Хорошо-хорошо, – сразу присмирел Волнистый. – Слава богу, мы с тобой оба не первый год замужем.

– Кстати, куда ты вчера подевался? – вспомнил я.

– Никуда, дома был.

– Мы это не обговорили, и я в какой-то момент не знал, что делать. Ждать тебя или нет...

– Но ты все сделал правильно, как я и думал.

– И ты, значит, спокойно сидел дома, в то время как твоя жена битый час выпивала в ресторане с другим мужчиной?

– Старик, что ты несешь! Варя – актриса. Если я буду ревновать к ее работе и в каждом, кто ее снимает, видеть соперника – это что ж получится? Тогда уж мне надо просто запретить ей играть.

– Я бы на твоём месте, пожалуй, так и сделал.

– Именно поэтому ты не на моём месте, – со смехом парировал Волнистый. – Нет, друг, такая девушка не будет терпеть подобных запретов или чего-то в этом роде. Так что учти на будущее. Если вздумаешь жениться на какой-то актрисе, то не рассчитывай, что она твоей домохозяйкой станет. То есть какая-то, может, и станет – но кому такая нужна?.. А вот если встретишь кого-то вроде Вари – таких, как

она, больше нет, но, допустим, кого-нибудь почти с такими же достоинствами, – то сам поймешь, как с ней себя ставить. С такой пылинки надо сдувать – вот что. Как с зеницей ока носиться.

– Носиться как с зеницей ока, – усмехнулся я, – но в то же время обманным путем заставлять ее делать то, чего она не хочет. Это, значит, можно?

– Это нужно! И ей тоже. Она просто сама не понимает.

– А если фильм не получится, кому это будет нужно?

– Ну если так рассуждать, в этой профессии делать нечего.

– Валера, я тебе сразу скажу: если я почувствую, что Варя *заставляет* себя работать над этой картиной, я ее отпущу.

– И какой же ты после этого режиссер будешь! Да если мы будем с актерами так возиться, что получится? Они ж как дети – у них капризы сплошные. Семь пятниц на неделе...

Я устал от Волнистого, а кроме того, не терпелось увидеть Варю.

– Хорошо, обсудим наши взгляды на профессию в другой раз. А сейчас побегу – не хочу заставлять твою жену ждать.

– Тоже не по-режиссерски, – не унимался Волнистый. – Мы, что ли, должны ждать актеров? А вот они могут и подождать – ничего с ними не сделается...

Я молча бросил телефонную трубку, закурил и вышел из квартиры.

На студии я оказался без пяти десять – и Варя не заставила себя ждать, явившись ко мне буквально под сигналы «Маяка».

Я сидел за столом, но, услышав шаги, почему-то сразу понял, что это она. Вскочил со стула и просиял. Не специально, а невольно. Я уже вчера не мог не улыбаться, глядя на нее, даже если говорил о чем-то серьезном. Само ее присутствие создает какую-то радость. Надеюсь, в трезвом состоянии у нее сохранился этот эффект. Впрочем, сегодня у нее, возможно, похмелье, так что, пожалуй, и не стоит особо рассчитывать на...

Но тут Варя вошла в мой кабинет – и я просиял еще больше. Она была прекрасна, очаровательна, обольстительна. Еще лучше, чем вчера.

Я подошел к ней и поцеловал руку:

– Здравствуйте, Варя! Очень рад вас видеть. Садитесь, пожалуйста.

– Спасибо! – Она присела напротив меня. Я обошел стол и сел на свое место. Сегодня нас разделяло еще меньшее пространство, чем вчера.

– Значит, вы не передумали? – с улыбкой спросил я.

– Сниматься? – уточнила она. – Нет, конечно, как я могла... Я ведь обещала.

– И вы здесь только поэтому? Только потому что обещали? – Я вновь напрашивался на то, чтобы меня успокоили. Ненавижу эту черту в других, но сам постоянно так делаю.

– Нет-нет, – скромно улыбнулась Варя. – Не только поэтому. Я вчера поговорила с вами и поняла, что хочу с вами поработать. Почему-то уверена, что мы сработаемся.

– Вот и я в этом несколько не сомневаюсь... Варя, а вы не успели сегодня освежить в памяти сценарий, хоть немного?

– Успела, – кивнула Варя. – Я даже готова к паре сцен.

– Вот это да! – поразился я. – Как вы это ловко, однако...

И к каким именно сценам?

– Честно говоря, я взяла наугад: одну – с Машей, другую – с Дашей.

– Отлично! Кстати, я действительно хочу поменять героиням имена, как вы вчера посоветовали. В смысле, Дашу сделать Машей – и наоборот.

– Ну что вы, зачем вы меня слушали? – смутилась Варя.

– Нет-нет, вы все очень правильно подсказали. Так что та девушка, которая у нас хорошая, она теперь будет Маша... И раз вы готовы, мы можем сразу пройти в павильон.

Перед вчерашним походом в ресторан я заранее договорился со своим постоянным оператором Лешей Рукавниковым. Сказал ему, чтобы с утра он был во втором павильоне, где сейчас ничего не снимают. Не потому я этим озаботился, что заранее был уверен в успехе нашего с Волнистым предприятия, а потому что люблю заведомо готовиться к более

оптимистическому развитию событий. Чтоб уж ничто этих событий не портило... А если бы Варя не согласилась, я просто позвонил бы Леше и все отменил.

Мы с Варей спустились вниз и зашли во второй павильон. Кроме Леси с его оборудованием, там никого не было.

– Здравствуйте, – поздоровалась Варя. Леша молча кивнул.

Рукавников обладает свойством настоящего оператора – на съемках (да и вне их) его не видно, не слышно. Кинооператор должен быть именно таким. Никого не смущать своим присутствием и уж тем более не нервировать. Вообще делать все, чтобы на него обращали как можно меньше внимания. Актеры должны не замечать оператора, точно так же как для людей естественно не обращать внимания на находящуюся поблизости кошку. Мыслимо ли сколько-нибудь конфузиться перед кошкой? А идеальный оператор – он даже не как кошка, он не вполне одушевленный предмет. Продолжение камеры. Посредником же между оператором и актерами выступает режиссер. Оператор, пытающийся взять на себя хотя бы малую долю режиссерских функций, – это неприемлемо.

В этом смысле Леша – абсолютно приемлемый, оптимальный и чуть ли не идеальный. Разве что не слишком, может, умелый. То есть не безрукий, разумеется, но и не виртуоз. В моей группе виртуозов не водится – сплошные середняки. Уже поэтому ставка на такую исключительную девушку, как Варя, с моей стороны совершенно оправдана.

Благодаря ей «Предчувствие» станет лучшим моим фильмом. Или я буду не я!

Сначала Варя играла сцену с Дашей, которая теперь стала Машей. По сути, Варя играла себя – добрую, улыбчивую, интеллигентную девушку. И это было самое правильное актерское решение – любой режиссер на моем месте был бы доволен и обошелся бы без всяких подсказок. Все в Вариной игре выглядело так, будто экс-Дашу (нынешнюю Машу) я писал именно с нее.

Когда она закончила, я воскликнул:

– Bravo! – и даже поаплодировал.

Никогда так раньше не делал – и тут же устыдился этого своего порыва. Но Варя отреагировала спокойно, лишь потупив глазки. Мой оператор, в свою очередь, и глазом не моргнул.

– Что ж, Варя, – начал я, невольно впадая в тот менторский тон, который час назад так разозлил меня в Волнистом, – наша хорошая Даша... то бишь Маша, получилась у вас восхитительной. Такой же, как вы сами, – и это прекрасно: лучшего тут и желать нельзя... Теперь посмотрим на... Дашу, значит. Вы готовы?

Варя кивнула. Леша снова включил камеру.

Уже через минуту я понял, что никогда еще не работал с такой блестящей актрисой (да и всем когда-либо снимавшимся у меня актерам-мужчинам было до Вари далеко). Она

преобразилась на глазах – и стала жесткой, ершистой, прямо-таки пугающей. У меня даже дрожь побежала по коже – от того, что я буду снимать такую поразительную девушку и одновременно от того, что она станет воплощаться в придуманные именно мной образы.

Когда Варя закончила эту сцену, я понял, что любые «Браво!» и аплодисменты во второй раз будут совсем уж неуместны. Так что я просто подошел к ней, взял за обе руки – и с выраженной признательностью и преклонением поцеловал сначала одну, потом другую.

– Варя, мы должны сейчас же пойти и заключить с вами договор, – сказал я, продолжая держать ее за руки и зачарованно глядя ей в глаза.

– Боитесь, что я передумаю? – лукаво улыбнулась она.

– Боюсь, – сознался я. – Боюсь, что вы в любую минуту можете решить, что я со своим фильмом вас недостойн. И вы будете абсолютно правы, но все-таки мне бы этого совсем не хотелось.

Варя немного зарделась и, видимо, чтобы скрыть смущение, полушутливо-полусерьезно проговорила:

– Я согласна, но при одном условии...

– Какое? – отозвался я, заранее зная, что соглашусь на все, что угодно. Если бы она сказала: «Хочу, чтобы вы застрелились в последний съемочный день», я бы и то ответил согласием. Но она всего лишь предложила:

– Давайте подыщем другое название для этого фильма?

«Предчувствие» мне не нравится. Оно тут не подходит, по моему... Извините, что я это говорю, но я просто абсолютно убеждена... Хотя вы, может, меня переубедите?

– Нет, не буду, – с облегчением отвечал я. – Я и сам нахожу название неудачным.

– Однако вы почему-то выбрали именно такое. Что-то вы, наверное, имели в виду...

– Ничего не имел, – покачал я головой. – Просто поскольку в фильме... в сценарии все как-то неопределенно, неуловимо, то ему подойдет такое же расплывчатое, абстрактное название, которое можно трактовать как угодно...

– Неуловимо, говорите? – задумалась Варя. – Так, может, и назвать его «Неуловимость»?

– «Неуловимость»? – переспросил и я. – А что, в этом что-то есть... Оригинально звучит. Мне бы даже в голову такое не пришло... Вы очень хорошо мыслите, Варя, я серьезно. У вас во всем подлинно творческий подход. «Предчувствие» – это действительно банальность. Любой может так назвать свою картину. А «Неуловимость»...

– Я не так уж хорошо разбираюсь в кино, – смущенно заметила Варя, – но почему-то уверена, что такого названия точно не было.

– Да, были только «Неуловимые мстители», – поддержал я ее. – Но даже не в этом дело. Фильма с названием «Предчувствие», насколько я знаю, тоже еще не было, даже за рубежом. Но я не сомневаюсь, что рано или поздно такой фильм

появится, а то и не один. А «Неуловимость» – никто, кроме нас, такое не сделает. Прямо вот об заклад готов биться.

Отдав Вере некоторые распоряжения относительно скорейшего запуска фильма в подготовительный период, я пригласил Варю пообедать со мной.

– Я с радостью, – отозвалась она. – А потом продолжим репетицию?

– Да нет, на сегодня, думаю, достаточно, – сказал я. – Так что вы уже свободны. И я, конечно, смогу и один пообедать, хотя мне очень хочется, чтобы вы составили мне компанию.

– Тогда я составлю, – улыбнулась Варя. Господи, как же она мне нравится... Это что-то невероятное – никогда такого не испытывал, тем более после столь непродолжительного знакомства.

– Прекрасно! – просиял я. – И, кстати, сегодня я как раз за рулем, так что...

– А мы куда-то поедем? – удивилась Варя. – Я думала, мы здесь, в мосфильмовской столовой...

– Ну что вы, – утрированно обиженным голосом протянул я. – Стал бы я приглашать вас в нашу столовку. Нет, мы поедем в «Артистическое». Если вы согласны.

– «Артистическое» – это кафе?... Я, кажется, что-то слышала... Но не была там.

– Для нашего брата – это то, что надо... Само название говорит за себя.

– Ну да, это я понимаю, – кивнула Варя. – Все звезды там, говорят, обедают.

Мне захотелось отпустить какое-нибудь колкое замечание по адресу всех этих «звезд» – завсегдаев «Артистического», – но большие Варины глаза лучились такой добротой и открытостью миру, что я посовестился говорить ей какие-то нелицеприятные вещи про кого бы то ни было.

– Это ваша? – спросила Варя, когда мы подходили к моему «Москвичу». – Здорово. А у нас – «Волга», – похвасталась она.

– Молодцы, что сказать, – слегка омрачился я. От Вари это не укрылось.

– Но «Москвич» – ведь тоже хорошо? – попыталась она меня утешить.

– Конечно, – сразу согласился я. И опять зачем-то слукавил: – «Волга» мне и без надобности. Я ведь даже не женат.

– Вы не женаты? – не поверила Варя.

– А разве я вчера не говорил об этом?

– Я не помню... Мы о другом, кажется, говорили.

– Ну в общем, я действительно не женат.

– Как же так?

– Для вас это настолько удивительно?.. Я ведь не такой еще старый.

– Конечно, вы не старый! – засмеялась Варя. – Вы же с Валерой ровесники. И вы даже моложе выглядите, – польстила она мне.

– Спасибо, – хмыкнул я. – Ну так, стало быть, и удивляться нечему, нет?

– Я не то чтобы сильно удивляюсь, но просто вы же режиссер. Сколько актрис, наверное, у вас снималось...

– Варя, должен вам признаться, – сказал я, наконец тронувшись с места, – я не слишком высокого мнения об актерах. Ну и об актрисах тоже... Только к вам это не относится! – немедленно добавил я.

– За что же мне такая честь? – смущенно пролепетала Варя.

– Потому что вы не похожи ни на одну актрису.

– Так, наверно, можно сказать про любую из них...

– Вовсе нет. В том-то и дело, что они все одинаковы. Это словно какая-то особая порода – они как будто по одному образцу скроены. И мне этот покррой не близок... Но в вас – в вас я не вижу ничего этого. То есть я сегодня убедился, что вы прекрасная актриса, но вы же еще и прекрасный человек.

– Почему вы так уверены? – совсем засмушалась Варя. Я бы, может, и сам заразился ее смущением, если бы смотрел прямо на нее, а не на дорогу.

– Когда я вчера с вами познакомился, – продолжал я, – то сразу это понял. Сомнений быть не может. По-настоящему прекрасные люди – большая редкость. И если посчастливилось такого человека встретить, это сразу бросается в глаза. Уж поверьте...

Я так увлекся общением с Варей, что даже забыл купить сигареты. Утром слишком спешил, чтобы приехать раньше ее, а теперь... теперь у меня, кажется, вовсе не осталось.

– Извините, я сейчас, – остановил я машину у первого попавшегося ларька.

Через минуту я вернулся уже с распечатанной пачкой «Явы» и любезно протянул ее Варе.

– Нет-нет, спасибо, – замахала она рукой. И, заметив недоуменное выражение моего лица, добавила: – Я курю, только когда выпью.

– Ах, вот как! – понимающе протянул я, садясь обратно за руль. – Что ж, это хорошо. Наверное.

– «Артистическое» уже близко? – спросила Варя.

– Да, мы уже почти приехали. Оно ведь рядом с МХАТом.

– А, – сказала Варя.

– Вы, кстати, не там учились? Не в школе-студии?

– Нет, я в «Щуке».

– Тоже неплохо.

Мы подъехали к кафе. Я вышел и сразу закурил. Уже когда зажженная сигарета была у меня во рту, я обратился к Варе:

– Не возражаете?

– Ну что вы, нет, – сказала она. – Вы могли бы и в машине.

– Не хотел беспокоить вас дымом.

– Меня это не беспокоит. Валера ведь тоже курит.

Я сразу внутренне помрачнел, хотя виду не подал.

– Ладно, пойдёмте, Варя. – Я бросил окурок в урну – и чуть было не взял девушку под руку. Нет, ну с какой, спрашивается, стати у меня уже появляется к ней некое чувство собственности?..

Мне почему-то захотелось, чтобы в «Артистическом» сейчас был хоть один известный артист, который бы меня знал, и чтобы он со мной поздоровался. Я с большим неудовольствием поймал себя на этом тайном желании. Ведь я же искренне убежден, что даже средний режиссер вроде меня намного значительнее даже самого так называемого крупного актера. Это только обывателям, как правило, плевать на режиссеров, а перед артистами они млеют. Но Варя-то – не обыватель. К тому же она сама актриса. Зачем же мне так хочется пустить ей пыль в глаза, причем теми методами, которые я считаю пошлыми?..

Умом понимая все это, я тем не менее разочаровался, не увидев внутри ни одного знакомого лица.

Мы присели за столик. Вновь досадуя на самого себя, я принялся пускать Варе пыль в глаза другим способом, раз уж не удалось продемонстрировать ей «живую звезду». А именно – заказал чуть ли не все блюда, которые были в наличии.

– Зачем так много? – шепнула Варя.

– А вы не проголодались?

– Не очень.

– Appetit приходит во время еды, – парировал я и чуть не покраснел от собственной пошлости.

– А кто здесь бывает? – спросила Варя, пока мы ждали заказа.

– Да много разных, – небрежно отвечал я. – Ну вот См-октуновский, например... – сказал я, вспомнив, что как-то видел его здесь.

– А это кто? – невинно спросила Варя. Я решил, что она шутит, но глаза ее говорили об обратном.

– Вы правда не знаете? – недоверчиво спросил я.

– Нет, извините. – Варя как будто смутилась. – У меня плохо с фамилиями. Это актер?

– Это актер, – подтвердил я.

– Где я могла его видеть?

– Если в кино, то в «Гамлете», «Берегись автомобиля»... Черт, сам уже не помню, где он играл.

– Эти фильмы я не видела, – вздохнула она. – А театр я, честно говоря, вообще не очень.

– Я тоже, – с радостью отреагировал я.

Вскоре наш столик весь был заставлен скромными порциями скромных яств.

– Ну вот, видите, – окинул я рукой это богатство. – Как раз на двоих.

– Я очень мало ем, – покачала головой Варя.

– Вы прямо как балерина, – отозвался я, вспомнив, что именно Волнистый сравнивал ее с Одеттой и Одиллией.

– Балеринам надо поддерживать форму, – улыбнулась Варя, – а мне это ни к чему.

Я слегка откинулся назад, словно оценивая ее тоненькую фигурку:

– Мне кажется, даже если бы вы захотели, вы бы не потеряли свою прекрасную форму.

– Я очень худая, – возразила Варя.

– Нет, вы как раз такая худая, какая надо. Без «очень». Человек должен быть худым. А молодая красивая девушка – и подавно.

– Совсем меня засмущали. – Варя опустила глаза и пододвинула к себе первую попавшуюся тарелку с салатом.

– Даже то, что вы смущаетесь, мне нравится, – продолжал я ее нахваливать. – Это тоже редкость в актрисах.

– Да нет, по-моему, большинство из нас как раз очень стеснительные, – не согласилась Варя. – Может, поэтому

и идут в эту профессию. Чтобы преодолеть себя...

– Своеобразная причина, – заметил я. – Но уверен, что не ваша.

– Почему уверены? – Варя подняла голову от тарелки.

– Режиссерская интуиция, – в который уж раз в разговорах с ней ответил я этой самодовольной репликой.

– Вы правы, – кивнула Варя. – Я пошла в актрисы только потому, что не знала, куда еще... То есть меня ничего особенно не привлекало, но вот я любила кино – и подумала: а почему бы не сюда?..

– Верный выбор, – одобрил я. – Это ваше. Хотя и на многих других поприщах вы наверняка тоже бы преуспели.

– А вот я сомневаюсь.

– Напрасно.

– Мне даже Валера говорит: «Актрисулька, – говорит, – ты моя, и куда б ты только подалась, если бы кино на свете не было?»

Я еле слышно фыркнул, но Варя это заметила.

– Нет, вы не думайте, – поспешила она оправдать мужа, – он очень ласково это произносит. В шутку даже... В смысле – он действительно так думает, но относится к этому нормально и даже говорит мне об этом таким беззаботным тоном...

Я покачал головой:

– А я бы это назвал – подчеркивать свое превосходство. И неважно, насколько шутлив при этом тон.

Варя озадаченно хмыкнула:

– Я думала, вы, наоборот, проявите мужскую солидарность.

– Ненавижу это выражение, – вновь помотал я головой. – И никогда не проявляю никакой такой солидарности.

– Нет, ну все-таки... – растерялась Варя. – Разве у вас не бывает желания защитить друга от чьих-то нападок?

– А разве сейчас такой случай? – засмеялся я. – Вы ни на кого, кажется, не нападали... Да даже если бы и напали...

– То есть чтобы я ни сказала о вашем друге, вас бы это не задело?

– Варя, – вздохнул я, – если честно, не такие уж мы с вашим Валерием друзья. Просто учились вместе.

– И даже во время учебы не дружили?

– Вот именно что так. У него были свои друзья, у меня свои...

– А мне он сказал, что вы большие друзья, – с огорчением и недоумением произнесла Варя.

Мне сразу захотелось утешить девушку:

– Видите ли, у меня просто слишком большие требования – к друзьям и чему-то такому. То есть я не разбрасываюсь такими словами, как «дружба», «любовь»... Допускаю, что Валерий искренне считает меня своим большим другом. Просто он такой человек – очень открытый, и этих больших друзей у него, видимо, крайне много...

– А я вот слышала, – вспомнила Варя, – что если человек говорит, что у него много друзей, то на самом деле нет ни одного. Я и Валере это говорила, но он только посмеялся, как обычно...

– Он что – постоянно над вами смеется? – не выдержал я и вновь сказал о ее муже таким тоном, что трудно было подумать о большой моей к нему симпатии.

– Да нет – не надо мной, – оправдывающимся голосом сказала Варя. – А просто он смешливый, веселый... Характер такой.

– Ясно, – сказал я столь мрачно, что опять же не оставалось сомнений в противоположности моего характера характеру Волнистого. – И вам это, конечно, нравится?

– Такой характер? – переспросила Варя. – Да, конечно... Но не всегда... Иногда я просто не понимаю, шутит он или нет...

– Если он такой развеселый, – хмыкнул я, – то, видимо, шутит. Все время. Перманентно.

– Но это же невозможно, – прошептала Варя.

– Как знать, – пожал я плечами с напускным равнодушием.

– Нет, я в том смысле, – тут же поправилась Варя, – что если это и возможно, то это немного... невыносимо иногда...

Я чуть не поперхнулся от этих слов. Впервые Варя сказала о Волнистом что-то критическое! А до этого вечно высказывалась о нем с такой любовью...

Так, так, только спокойно... Это еще ничего не значит. У меня здесь нет шансов. И быть не может. Даже если бы мне этого очень хотелось... Черт, ну кого я обманываю – мне ведь этого и в самом деле очень хочется! Но даже несмотря на это, я не позволю себе опуститься до такой пошлости, как адюльтер с замужней актрисой, чей муж к тому же – мой одноклассник. Это уже просто бульварный роман какой-то...

И тем не менее мне было приятно услышать намеки на то, что и Варя может видеть в Волнистом нечто невыносимое. Пусть даже изредка.

Чего здесь в самом деле такого? Просто болтовня. Я не скрываю – ну или почти не скрываю – своего скептического отношения к ее мужу, ну вот и она отвечает мне тем же. В конце концов, между режиссером и актрисой необходимо некое доверие. Это ведь не такие отношения, как, не знаю, между бухгалтером и заместителем бухгалтера... Тут

все тоньше...

– Варя, – ласково сказал я и положил свою руку на ее, хотя сейчас мы были совершенно трезвыми. Но на ее лице не дрогнул ни один мускул, и она не сделала ни малейшей попытки высвободить свою ладонь из-под моей. – Варя, – повторил я, – простите, что вмешиваюсь, конечно, но... Меня это почему-то очень задело просто... Волнистый... то есть Валерий... он... неужели как-то не так к вам относится?

– Не так, – полувопросительно повторила Варя. – Да нет, все так, но...

– ...Но? – поднажал я.

– Да нет, все так, – наконец твердо сказала она – и движением кисти заставила меня убрать мою руку. – Простите. – Она прикрыла освободившейся ладонью лицо. – Я что-то... разоткровенничалась зачем-то... Этого больше не повторится, обещаю.

– Я не просил у вас такого обещания, – недовольно сказал я. И одобряюще добавил: – Варя, все хорошо. Между режиссером и актрисой должно быть доверие. Оно прямо необходимо даже.

Господи, ну это ли не пошлость? Я ненавижу сам себя. И неужели такая понимающая, чуткая девушка, как Варя, не окинет меня сейчас презрением?..

Она не окинула. И глаза ее (хотя смотрели сейчас не на меня, а куда-то в сторону) по-прежнему лучились добротой и симпатией.

Я предложил подвезти ее домой. Она согласилась, едва заметно кивнув головой. Даже не головой, а подбородком.

Какое-то время мы молчали. Затем Варя спросила:

– А вы сейчас обратно на студию?

– Да, наверно, – отозвался я.

– А потом?

– А потом – домой. – Я бросил короткий взгляд на свою спутницу. К чему она клонит?

– А дома – что? – продолжала допытываться Варя.

– А дома – ничего, – отвечал я в тон ей, думая, что мы ведем какой-то игривый дурашливый разговор. Но Варя, кажется, разговаривала совершенно серьезно.

– И никого? – спросила она после паузы.

– Что «никого»?.. А, у меня дома? Да, у меня дома никого.

Только я.

– Интересно, – промолвила Варя. Меня осенила нелепая догадка:

– Варя, а хотите ко мне в гости? Посмотрите, как я живу... ну и убедитесь, что там действительно никого, кроме меня. Даже какую-нибудь, знаете ли, живность я и то не держу...

– Ой, что вы, что вы! – Варя как будто даже испугалась. – Вы подумали, что я напрашиваюсь к вам в гости?.. Какая я дура...

– Варя, я ничего такого не подумал, – твердым тоном оборвал я. – Я просто захотел пригласить вас в гости. Я на самом деле этого хочу. И я бы позвал вас вне зависимости от того, что вы мне сказали или не сказали...

Варя помолчала. Я затаил дыхание и ждал ее ответа.

– Нет, – наконец огорчила меня она. – Не могу, извините. Мне надо домой. К мужу.

С моего языка так и срывалось: «К мужу, который вас не ценит?», но я побоялся оттолкнуть этим Варю. Ведь правда как-то нехорошо – получилось бы, что я начинаю подтачивать крепкую семейную ячейку. И тем более я же прекрасно слышал и видел Волнистого, когда он трепался о Варе. Это был без остатка влюбленный в свою жену человек – тут и сомнений быть не может. Другой вопрос, что он для нее слишком груб, недостаточно тонок, подчас наверняка равнодушен, невнимателен... Но не этим ли всем он как раз и притягивает ее, в свою очередь? Такое часто бывает...

– Ладно, значит, в другой раз, – не скрывая своего разочарования, молвил я.

Мы подъехали к дому Волнистого. Варя не торопилась выходить.

– Мне нравится наш район, – сказала она, словно тянула время.

– Да, неплохой, – безразлично отозвался я. – Чистые Пруды совсем рядом... Муж-то ваш дома сейчас? – обратился я к Варе. Тьфу, почему «муж»? Почему не «Валерий»?

– Дома, – сказала Варя. – Он вроде пишет сценарий, хотя на самом деле... Просто не любит на студию ходить.

– А мне на студии даже лучше, чем дома, – признался я. – Впрочем, будь я женат, меня б, наверное, тоже туда не тянуло.

– Почему же вы не женитесь? – Варя опять изумилась так, словно услышала об этом в первый раз.

Я зажег сигарету, уже не спрашивая Вариного разрешения, и нехотя отозвался:

– Может, это высокопарно звучит, но... я ищу свой идеал.

– И как успехи? – спросила она. Вопрос ужасный, но Варя умудрилась придать ему очень человеческую интонацию. В ней вообще все – воплощение человечности.

– Ну поскольку я по-прежнему холост, то понятно, что...

– Понятно, – кивнула Варя. Затем протянула руку: – До свидания, Аркадий.

– До завтра, – поправил я. Чмокнул ее в кисть и продолжал крепко держать в своей руке. Варя смотрела прямо на меня и не пыталась высвободиться. Так прошло около минуты.

– До свидания, Варя, – вдруг произнес я, словно помимо своей воли. Ее рука выскользнула из моей – и девушка исчезла из машины с быстротой птички, которой раскрыли клетку.

Весь день я думал только о Варя – а около девяти вечера, словно помимо своей воли, бросился к телефону и позвонил ей.

– Алло! – сразу ответила она. Как будто прямо ждала моего звонка.

– Варя? – Я кашлянул. – Добрый вечер! Вы сейчас... чем заняты?

– Добрый вечер, – сказала она так, что я будто увидел вочию ее прелестную улыбку. – Я сейчас... Да так... скучаю.

– Да что вы! – не скрыл я своей радости. – Ну так, может, сходим куда-нибудь, чтобы вы развеселились?

– С удовольствием, – ответила она. Я едва не подпрыгнул от радости. – А куда именно?

– Например, в кино, – сказал я наобум.

– Прекрасно. А на какой фильм?

– Там посмотрим, – туманно молвил я. Даже не представляю, что сейчас показывают. – Так я за вами заеду?

– Хорошо. Через... – полувопросительно сказала девушка.

– Через полчаса вас устроит?

– Идеально, – проворковала Варя.

– Все, через тридцать минут я у вас, – с напускной сдержанностью закончил я – и повесил трубку.

Возле ее дома я оказался через двадцать пять минут после нашего разговора.

Уже через минуту я увидел выходящую Варю и выскочил ей навстречу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.